

Автор бестселлеров *New York Times*

МЭГГИ
СТИВОТЕР

ВСЕ

НЕЧЕСТНЫЕ

СВЯТЫЕ

Мэгги Стивотер

Все нечестные святые

«ЭКСМО»

2017

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

Стивотер М.

Все нечестные святые / М. Стивотер — «Эксмо», 2017

ISBN 978-5-04-090471-6

Глубокий, многогранный, пронзительный роман, написанный в лучших традициях магического реализма. Мэгги Стивотер — писательница с мировым именем и автор бестселлеров New York Times. «Чудеса лучше всего слышны после заката — в темноте они далеко разносятся». Именно за чудесами приезжают пилигримы со всей Америки в городок Бичо Раро. Люди отчаянно жаждут получить кусочек магии и избавиться от того, что их мучает. Но мало кто знает, что и сами святые, кузены Сория: Беатрис, Даниэль и Хоакин, не менее нуждаются в чудесах, чем те паломники, которые к ним приходят. Восемнадцатилетняя Беатрис отвергает любые чувства, живя лишь разумом. Шестнадцатилетний Хоакин мечтает о музыке, а пока лишь устраивает подпольные радиоэферы. Двадцатилетний Даниэль прощает любые слабости, кроме своих. Все они жаждут чуда. Вот только чудеса Бичо Раро совсем не те, на которые стоит надеяться.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-090471-6

© Стивотер М., 2017
© Эксмо, 2017

Содержание

Колорадо, 1962 год	6
Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	18
Глава 4	25
Глава 5	29
Глава 6	30
Глава 7	36
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Мэгги Стивотер

Все нечестные святые

*Посвящается Дэвиду,
наконец-то*

Колорадо, 1962 год

Глава 1

Чудеса лучше всего слышны после заката – в темноте они далеко разносятся.

В этом смысле чудеса похожи на радиоволны. Мало кто понимает, что у обычной радиоволны и сверхъестественного чуда много общего. Предоставленные самим себе, радиоволны слышны на расстоянии в сорок-пятьдесят миль, не больше. Удаляясь от своего источника, они путешествуют строго по прямой и, поскольку Земля круглая, очень быстро расстаются с ее поверхностью и устремляются прямо к звездам. Разве все мы не поступили бы так же, получили мы такую возможность? Как жаль, что радиоволны и чудеса невидимы: только представьте, что за дивное получилось бы зрелище, если бы по всему миру протянулись прямые, ровные ленты чудес и звука!

Впрочем, не все радиоволны и чудеса ускользают никем не услышанные. Некоторые отскакивают от нижних слоев ионосферы: очень кстати колеблющиеся там в полной гармонии свободные электроны отталкивают их обратно на Землю под новыми углами. Таким образом, сигнал может вылететь из Росарито или Ногалеса, стукнуться головой об ионосферу, тут же оказаться в Хьюстоне или Денвере и вдобавок остаться таким же сильным. А если радиовещание ведется после заката? Многие вещи в этой жизни работают лучше в отсутствие назойливого внимания Солнца, и этот процесс из их числа. Ночью радиоволны и чудеса могут столько раз скакать вверх-вниз, что в некоторых непредвиденных случаях достигают радиоприемников и святых, которые находятся в тысячах миль от источников собственно радиоволн и чудес. Таким образом, случившееся в крошечном Бичо Раро¹ маленькое чудо может разноситься аж до Филадельфии, и наоборот. Что это – наука? Религия? Даже ученым и святым нелегко вычленишь разницу между этими двумя понятиями. Пожалуй, это неважно. Если вы сажаете невидимые семена, то навряд ли ожидаете, что все вокруг одинаково представляют себе невидимые всходы. Намного проще просто признать, что они мирно растут.

В ночь, когда начинается наша история, и святой, и естествоиспытатель прислушивались к чудесам.

Тьма стояла хоть глаз выколи, так темно бывает лишь в пустыне, а трое кузенов Сория собрались все вместе в кузове грузовичка. Высоко над ними более крупные звезды выпихивали звездочки поменьше из их небесного дома, проще говоря, сыпались очаровательным дождем уже около часа. Чуть пониже небо чернело непроглядным мраком до самых зарослей кустов и колючек, покрывавших долину.

Тишину нарушали только отзвуки радио и чудес.

Грузовичок стоял, припаркованный посреди моря кустарников, в нескольких милях от ближайшего городка. Зрелище он из себя представлял не ахти какое – всего-навсего полинялый красный «Додж» 1958 года выпуска, хотя вид машинка имела довольно оптимистичный. Один задний габаритный огонь треснул. Правая передняя шина вечно была накачана меньше левой. На пассажирском сиденье темнело пятно, неизменно пахнущее вишневой колой. На зеркале заднего вида висела маленькая деревянная алебрихе², полускунс-полукойот. На грузовичке стояли номерные знаки Мичигана, хотя находился он вовсе не в Мичигане.

¹ Bicho Raro – чудака, чудик, сумасброд (исп.).

² Алебрихе – ярко раскрашенные мексиканские народные игрушки, изображающие фантастических зверей.

Играло радио. Только не в кабине, а в кузове – зеленовато-голубой приемник «Моторола», взятый с кухонного стола Антонии Сория. Приемник был настроен на радиостанцию кузенов Сория: не ту, что им хотелось бы послушать, а ту, что они создали. Грузовичок служил им радиовещательной студией на колесах.

«Им, они». На самом деле грузовик принадлежал Беатрис Сория, и это была радиостанция Беатрис Сория. Это история про всех членов семьи Сория, но в большей степени про Беатрис. Пусть не ее голос летел по АМ-радиоволнам, зато именно ее мятущееся и неутомимое сердце приводило их в движение. Другие люди выражают чувства с помощью слез и улыбок, а у Беатрис для этих целей имелся напичканный радиопередатчиками грузовичок в пустыне Колорадо. Если Беатрис случалось порезаться, акустические колонки в грузовичке истекали кровью.

– ...если вы устали от песенок, которые поют только ради дрыганья, – пообещал между тем диджей, – вы найдете нас сразу после заката, но до восхода.

Голос принадлежал самому юному из кузенов, Хоакину. Шестнадцатилетний Хоакин полагал себя взрослым и серьезным и предпочитал, чтобы остальные воспринимали его серьезно. Милостивый и чисто выбритый, он прижимал наушники к одному уху, дабы не испортить прическу – высоченный «помпадур», как у Элвиса. Два электрических фонарика освещали его золотистым светом, точно очень маленькие сценические прожекторы, а всё прочее тонуло в фиолетовом, синем и черном. Хоакин носил ту же рубашку, в которой ходил последние пару месяцев: красный экземпляр в гавайском стиле с коротким рукавом; ворот рубахи был поднят.

В единственном фильме, который Хоакину удалось посмотреть в 1961 году, один герой носил рубашку именно так, и молодой человек поклялся воссоздать тот образ на самом себе. У его ног выстроился целый лес бутылок из-под газировки, наполненных водой. Хоакин до дрожи боялся обезвоживания и, чтобы справиться с этой фобией, постоянно носил с собой запас воды на несколько дней.

С наступлением темноты Хоакин Сория становился другим человеком. В колесившей по пустыне передвижной радиостанции он называл себя Дьябло Дьябло. И мать, и бабушка Хоакина были бы глубоко шокированы, узнай они об этом диджейском псевдониме, потому что на него и пал выбор. Вообще-то, подобная смелость немного шокировала самого Хоакина. Чувство близкой опасности приятно щекотало нервы всякий раз, когда он произносил эти два слова, ибо в душе его жило суеверное убеждение, что дьявол и впрямь может явиться, если в третий раз прошептать «дьябло».

Вот чего хотел Хоакин Сория: стать знаменитым. Вот чего он боялся: умереть в одиночестве на испепеляющем песке, за пределами Бичо Раро.

– ...новые песни и мечты, – продолжал голос Дьябло Дьябло, – самые горячие мелодии шестьдесят второго, от Дель-Норте до Бланки, и от Вилла-Гроув до Антонито, музыка, которая спасет ваши души.

Двое других находившихся в кузове кузенов, Беатрис и Даниэль, подняли брови. Подобная заявка на покрытие всей долины Сан-Луис пахивала явным обманом, но интересы Хоакина тяготели скорее к вещам приятным, пусть и воображаемым, нежели к тому, что существовало на самом деле. Да, их радиостанция не покрывала всю долину, но как прекрасен был бы этот мир, если бы она ее покрывала!

Даниэль чуть пошевелился, пытаясь устроиться поудобнее. Кузены сидели в кузове грузовичка, почти соприкасаясь коленями, и из-за этой вынужденной тесноты длинная ступня Даниэля нечаянно сдвинула с места одну из бутылок с водой. Металлическая крышечка ударилась об пол, заплескала на горлышке – как нарочно, того и гляди откроется. Лежавшие на полу провода шарахнулись в разные стороны, спасаясь от воды. Казалось, беда неминуема. Хоакин схватил бутылку и погрозил ею Даниэлю.

– Не сломай грузовик, – предупредил он. – Машинка новая.

Грузовик был далеко не новый, а вот статус радиостанции для него действительно был в новинку. До того как на грузовик обрушилась такая ответственная роль, им пользовалась семья сестры жены брата Аны Марии Сория, чтобы развозить братьев Алонсо с покрасочных работ по барам. От такой скукотини грузовик устал и сломался, а поскольку братья Алонсо предпочитали красить и пить, вместо того чтобы поднять грузовичку настроение, машину бросили зарастать сорняками. По правде говоря, за это время грузовик собрал столько влаги, что хватило бы на маленькое болото, на его крыше и капоте быстро разрослись тимофеевка и осока, и машина возвышалась посреди пустыни, точно огромная болотная кочка. Животные приходили издалека, преодолевая много миль, чтобы только пожить в этом оазисе: сначала бобер, потом двенадцать леопардовых лягушек, чье кваканье походило на скрип кресла-качалки, потом – тридцать форелей-головорезов, которые так жаждали обрести новый дом, что пришли к грузовику через всю долину. Довершило картину прибытие четырех дюжин канадских журавлей ростом с человека, только шуму они производили в два раза больше. Из-за царившего в этом болоте гомона никто не мог заснуть ни днем ни ночью.

На Беатрис возложили задачу разогнать животных.

Тогда-то она и обнаружила под всем этим разнообразием грузовик. Беатрис восстанавливала грузовик медленно, поэтому животные выселялись постепенно, и новая топь едва ли заметила, что ее попросили на выход. Вскоре большинство членов семьи Сория вообще забыли про шум; даже сам грузовик почти исчез из их памяти. И хотя на деревянном полу до сих пор краснели круги ржавчины, оставленные банками с краской, единственным воспоминанием о том времени, когда грузовик был маленькой экосистемой, служило яйцо, которое Беатрис обнаружила под педалью газа. Огромное, размером с кулак, пятнистое, словно луна, и легкое, как воздух. Беатрис сделала для него гамак из тонкой сетки для волос и повесила в кузове грузовика – на счастье. Теперь яйцо раскачивалось туда-сюда над радиопередатчиками времен корейской войны, полученными через третьи руки кассетными магнитофонами, сломанными проигрывателями пластинок, перегоревшими лампочками, резисторами и конденсаторами.

Дьябло Дьябло (*Дьябло!*) тихо, проникновенно вещал:

– Затем вас ждет кое-что из творчества группы The Drifters – мы послушаем песню *Save the Last Dance for Me*... но мы на этом танцевать не заканчиваем, поэтому оставайтесь с нами.

Вообще-то, Хоакин не поставил пластинку The Drifters, хотя объявленная песня действительно зазвучала: заработал один из магнитофонов. Вся сегодняшняя программа была заблаговременно записана на кассету, на случай, если радиостанции придется в спешке сниматься с места. Федеральная комиссия по связи пессимистически относилась к тому, что американская молодежь в свободное время организует нелегальные радиостанции, особенно ввиду того, что американская молодежь ничего не смыслит в хорошей музыке и грезит о революции. Нарушителей ждали штрафы и тюрьма.

– Как думаете, нас могут отслеживать? – с надеждой в голосе спросил Хоакин. Перспектива стать объектом государственного преследования юношу не радовала, но он так хотел быть услышанным, что чувствовал себя обязанным пойти на любые жертвы ради достижения цели.

Беатрис сидела рядом с радиопередатчиком и рассеянно перебирала пальцами в воздухе, с головой погрузившись в мир своего воображения. Осознав, что Хоакин и Даниэль ждут от нее ответа, она сказала:

– Нет, если только дальность вещания вдруг не увеличилась.

Беатрис была второй по старшинству из трех кузенов. Если Хоакин был шумным и ярким, то восемнадцатилетняя Беатрис – невозмутимой и мрачной. Она обладала внешностью хипповатой Мадонны: разделенные на прямой пробор темные волосы обрамляют лицо, нос в форме буквы «J» и маленький, загадочный рот. Мужчины, скорее всего, сравнили бы ее губы с лепестками розы, но сама Беатрис говорила просто «мой рот». У нее было девять пальцев: один она случайно отрезала в возрасте двенадцати лет, но не тужила, подумаешь, мизинец на

правой руке (Беатрис была левшой). В конце концов, это был по-своему очень интересный эксперимент, да и палец уже не отрастет.

Хоакин сидел в грузовике-радиостанции ради славы, а Беатрис участвовала в деле исключительно ради интеллектуального удовольствия. И восстановление грузовичка, и дальнейшее его переоборудование в радиостанцию девушка рассматривала в качестве задачек на сообразительность, а всякие головоломки она обожала. Беатрис понимала в них толк. В три года она разработала секретный втяжной мост, ведущий из окна ее спальни к загону с лошадьми: по этому мосту она могла ходить босиком под покровом ночи, не боясь напороться на колючки, в изобилии покрывавшие землю. В семь лет она придумала, как соединить крестовину от детского мобиля и набор маленьких куколок, так что она могла лежать в постели и смотреть, как кукольная семья Сория танцует для нее. В девять лет она начала создавать тайный язык, на котором разговаривала со своим отцом, Франсиско Сория, и который они до сих пор оттачивали. В письменном виде слова и предложения этого языка состояли из цепочек цифр; в устной форме – из нот, соответствующих математической формуле нужного предложения.

Вот чего хотела Беатрис: посвятить всё свое время осмыслению того, чем бабочка похожа на галактику. Вот чего она боялась: что ее попросят заняться чем-то другим.

– Думаете, мама или бабушка слушают? – не отставал Хоакин (Дьябло Дьябло!). Он не хотел, чтобы его мать или бабушка узнали о его второй личности, но страстно мечтал, что они услышат Дьябло Дьябло, а потом будут шепотом сообщать друг другу, дескать, этот радиопират наверняка хорош собой, а голос у него в точности как у Хоакина.

– Нет, если только дальность вещания вдруг не увеличилась, – повторила Беатрис.

Она и сама уже задавалась этим вопросом. Сигнал их первой радиостанции распространялся всего на несколько сотен метров, хотя Беатрис и дополнила их систему большой телевизионной антенной. В настоящий момент девушка перебирала в уме все места, до которых не дотягивался их сигнал.

Хоакин бросил на кузину мрачный взгляд.

– Не обязательно говорить это вот так.

Беатрис не пожалела о своих словах, потому что произнесла их без всякой задней мысли. Она просто их произнесла. Впрочем, порой и этого вполне достаточно. Дома, в Бичо Раро ее иногда называли *la chica sin sentimientos*³. Беатрис не имела ничего против того, что ее называли бесчувственной девушкой. Она полагала это утверждение вполне справедливым.

– И вообще, как же они услышат? Ведь мы забрали радио.

Все посмотрели на радиоприемник, утащенный с кухонного стола Антонию Сория.

– Не всё сразу, Хоакин, – посоветовал Даниэль. – Даже очень тихий голос – это всё же голос.

Это был третий и самый старший из присутствовавших в грузовике кузенов. Звали его Даниэль Лупе Сория, ему было девятнадцать лет, и родители его умерли еще до его рождения. С каждой костяшки его пальцев, кроме больших, смотрели глаза-татуировки, так что всего у него их было восемь, как у паука, да и сам Даниэль сложением походил на паука: длинные конечности, выпирающие суставы, маленькое туловище. Гладкие, прямые волосы его свисали до плеч. Даниэль был святым Бичо Раро, и у него это очень хорошо получалось. Беатрис и Хоакин очень его любили, и он тоже их любил.

Даниэль знал, что Беатрис и Хоакин пытаются создать радиостанцию, но до сего дня не бывал в грузовичке, потому что обычно всё его время было занято чудесами. Будучи святым, Даниэль посвящал почти все свои мысли и дела круговороту чудес, и это занятие доставляло ему огромное удовольствие, а уж ответственность налагало еще большую. Но сегодня ночью он хотел провести время с кузенами, потому что весь день боролся с чувством собственной

³ *La chica sin sentimientos* (исп.) – бесчувственная девушка.

значимости и стремился напомнить себе, почему в этом вопросе следует проявлять крайнюю осторожность.

Вот чего хотел Даниэль: помочь тому, кому ему не позволено было помогать. Вот чего он боялся: уничтожить всю свою семью из-за этого тайного желания.

– Тихий голос – всё равно тихий, – сердито возразил Хоакин.

– Однажды ты прославишься под именем Дьябло Дьябло, и уже мы, как пилигримы, будем ездить в Лос-Анджелес, чтобы тебя повидать, – сказал Даниэль.

– Или хотя бы в Дуранго, – добавила Беатрис.

В мечтах о будущем Хоакин предпочитал видеть себя в Лос-Анджелесе, нежели в Дуранго, но протестовать более не стал. Довольно и того, что сейчас кузены в него верят.

В некоторых семьях слово «кузен» ничего не значит, но для этого поколения Сория всё было по-другому. В то время как отношения между старшими Сория навевали мысли о камешках, стесывающих друг о друга края, эти три кузена Сория неизменно держались вместе. Хоакин был капризен, но в этом грузовике все наслаждались его непомерным честолюбием. Беатрис со всеми держалась отстраненно, но в этом грузовике Даниэль и Хоакин не требовали от нее ничего сверх того, что она сама легко давала. И все любили святого из Бичо Раро, но в этом грузовике Даниэль мог оставаться обычным человеком.

– Вот. Пойду, проверю дальность передачи, – сказала Беатрис. – Передай мне радиоприемник.

– Сама передай, – ответил Хоакин. Однако Беатрис преспокойно сидела на месте, пока Хоакин наконец не протянул ей прибор. Уж в чем в чем, а в искусстве ожидания Беатрис не было равных.

– Я пойду с тобой, – быстро сказал Даниэль.

В Бичо Раро жила парочка козлов-близнецов, их звали Феа и Моко, и родились они при весьма примечательных обстоятельствах. У коз часто рождается двойня, а то и тройня, так что в том, что Феа и Моко уродились близнецами, ничего выдающегося не было. Необычность заключалась в том, что, производя на свет Моко, мать Феа решила, что не имеет ни сил, ни желания рожать второго козленка за одну ночь. И вот, несмотря на то, что Феа с удовольствием появилась бы на свет через несколько минут после Моко, она оставалась в утробе матери еще несколько месяцев, пока та собиралась с духом, чтобы родить еще раз. В конце концов родилась и Феа. За то время, что маленькая козочка оставалась в материнской утробе, лишенная солнечного света, ее шкурка сделалась черной, как смоль. Сторонний наблюдатель счел бы Феа и Моко дальними родственниками, а может, и вовсе не посчитал бы их за родичей, но, будучи близнецами, козочки всё равно держались вместе, отлично понимали друг друга и всегда радовались обществу друг друга.

Точно так же обстояло дело с Беатрис и Даниэлем. Хоакина, Беатрис и Даниэля связывали тесные узы, и всё же Беатрис и Даниэль были друг другу еще ближе. Оба они были очень спокойны, и внешне, и внутренне, и вдобавок с одинаковым жадным любопытством стремились познать этот мир. К тому же их сближали чудеса. Все члены семейства Сория обладали способностью творить чудеса, но в каждом поколении появлялись немногие избранные, наиболее подходящие для этого дела. Они отличались от остальных своими странностями – или степенью святости, смотря с какой стороны посмотреть. В настоящее время Даниэль и Беатрис были святее всех, и, поскольку Беатрис отчаянно не хотела быть святой, а Даниэлю только этого и хотелось, установилось определенное равновесие.

За пределами грузовика над холодной пустыней раскинулось, словно бесконечная история, небо. Беатрис поехала: ее мать, Антония, как-то сказала, что у ее дочери сердце ящерицы – и действительно, Беатрис разделяла любовь рептилий к теплу.

В складках юбки Беатрис скрывался аккуратно прикрепленный фонарик, впрочем, девушка к нему не притронулась. Она ничуть не тревожилась из-за Федеральной комиссии по

связи, однако не хотела обнаруживать свое местонахождение. Беатрис не покидало ощущение назревающих чудес – порой члены семейства Сория очень хорошо чувствовали такие вещи, – а ведь ей всю жизнь говорили, как говорили всем Сория, что вмешательство в чудеса никогда не проходит без последствий.

Поэтому кузены шли в полутьме. Света месяца вполне хватало, чтобы различать очертания юкк, зарослей толокнянки и креозотовых кустов. В воздухе витал сырой, теплый запах можжевельника; колючие листья солянки так и норовили дернуть Беатрис за юбку. Далекие огни Аламосы окрашивали небо в коричневатый цвет, так что казалось, будто раньше времени рассветает. По радио Дьябло Дьябло вещал, мол, подождите, послушайте, вот увидите, сейчас я такой сингл поставлю, вы не поверите, горячий хит для больших мальчиков.

Мысли так и кипели в сознании Беатрис Сория – с ней всегда так происходило. Пока они с Даниэлем шли через темноту, Беатрис размышляла о такой простой и хитроумной штуке как портативное радио, которым они сейчас пользовались, а также о тех временах, когда люди думали, будто ночью воздушное пространство ничем не заполнено, а еще о выражении «спертый воздух». Потом она представила, что с трудом продвигается по переполненному крошечному городу невидимых химикатов, микроорганизмов и волн, причем последние поддаются обнаружению лишь благодаря этой волшебной коробочке, способной принимать их и извергать, направляя прямо в уши смертных. Беатрис прильнула к этим невидимым радиосигналам, согнулась, словно шла против сильного ветра, и, резко выбросив вперед руку, сжала кулак, точно ей под силу было ухватить радиоволну. У Беатрис часто возникали такие порывы: вот бы прикоснуться к невидимому. Еще в детстве, после множества переосмыслений, Беатрис научилась обуздывать эти порывы, давая им волю, только если рядом не было ненужных зрителей. (Даниэль в этом смысле зрителем не считался.)

Но она чувствовала лишь, как медленно подползает к ним новое чудо. Радиосигнал начал истончаться; какая-то другая радиостанция поглощала его, звук за звуком.

– Беатрис? – окликнул ее Даниэль. Голос его прозвучал глуховато – чашка, в которой нет воды, беззвездное небо. – Как думаешь, последствия имеют значение, если мы сами их не видим?

Порой, если вопрос связан с каким-то секретом, люди склонны задавать другой вопрос на смежную тему, надеясь получить ответ, подходящий под оба вопроса. Беатрис сразу же поняла: именно такой фокус пытается сейчас провернуть Даниэль. Она не знала, как отнестись к внезапному наличию у кузена секретов, и всё же попыталась ответить максимально честно:

– Думаю, неподтвержденное утверждение – это всего лишь гипотеза.

– Как по-твоему, я хороший святой?

И вновь Даниэль спрашивал не о том, что его беспокоило, притом что любому человеку, успевшему провести в Бичо Раро хотя бы минуту, и в голову не пришло бы усомниться в набожности Даниэля Лупе Сория.

– Ты лучше, чем была бы я.

– Ты могла бы стать отличной святой.

– Факты противоречат этому утверждению.

– Где же твоя наука? – возмутился Даниэль. – Один факт – еще не наука.

На этот раз его голос звучал веселее, но Беатрис это не успокоило. Даниэля было не так-то просто вывести из душевного равновесия, и теперь она не могла забыть отзвук беспокойства в его голосе.

Беатрис слегка повернула радио, пытаясь уменьшить помехи.

– Некоторые эксперименты можно прекращать, получив всего один результат, просто чтобы убедиться в бессмысленности дальнейших экспериментов.

Шум помех сделался громче, и Даниэль, помолчав немного, сказал:

– А тебе не приходило в голову, что мы, возможно, идем не тем путем? Мы все?

Наконец-то прозвучал настоящий вопрос, хоть и несколько размытый. Чтобы найти ответ на такую загадку, одной ночи мало.

Неожиданно беседу кузенов прервал какой-то шорох в кустах неподалеку. Заросли вздрагивали и подергивались, а потом из них с хохотом выскочила какая-то тень.

Беатрис и Даниэль даже бровью не повели, ибо принадлежали к семье Сория. Если Сория начнет подпрыгивать при виде каждой внезапно появившейся тени, то ему придется здорово накачать икроножные мышцы.

Хохот сменился громким хлопанием крыльев, и тень превратилась в огромную летящую птицу. Она пронеслась так близко от Беатрис, что волосы девушки взметнулись, огладив ее щеку. Это была сова.

Беатрис немало знала о совах. У сов большущие, зоркие глаза, однако эти внушительные глазные яблоки крепко удерживаются на месте костными выступами, именуемыми склеротикальными кольцами. Именно из-за них совы вынуждены вертеть во все стороны головой, вместо того чтобы поводить туда-сюда глазами. Некоторые виды сов обладают асимметричными ушами, которые позволяют птицам с огромной точностью определять, где находится источник звука. Многим людям невдомек, что совы не только обладают отличным зрением и прекрасным слухом, они еще и питают страсть к чудесам, хотя природа сего явления и остается малоизученной.

Даниэль наклонился выключить радио, и вокруг них мгновенно стало тихо.

В той стороне, откуда появилась сова, вдалеке вспыхнули две фары. В подобном месте можно идти всю ночь, так и не встретив ни одной машины, поэтому Беатрис с интересом наблюдала, как крохотные огоньки движутся то вправо, то влево. Машина ехала слишком далеко от них, и всё же Беатрис так хорошо знала шуршание покрышек по гравию, что ее уши словно наяву его слышали. Она вытянула руку, пытаясь уловить звук кончиками пальцев.

Даниэль закрыл глаза, его губы шевелились. Он молился.

– Фары! Вы что, совсем сдурели? – Сидевший в кузове грузовичка Хоакин уже измучился ждать кузенов и теперь торопился вывалить на них страшное известие. – Это же фары! Почему вы сразу не сказали? Это Федеральная комиссия по связи!

Беатрис сжала пальцы в кулак, опустила руку и сказала:

– Они едут не сюда.

– А ты откуда знаешь?

– Они едут в...

Девушка вяло взмахнула рукой, и этот жест завершил ее незаконченную фразу.

Хоакин метнулся вглубь кузова, выдернул подключенные к батарее провода, потом выпрыгнул обратно и принялся вырывать провода заземления с видом человека, силы которого удесятерены отчаянием. Однако Беатрис, как обычно, оказалась права. Фары, не останавливаясь, целеустремленно двигались дальше, выхватывая из мрака то неподвижную антилопу, то заросли травы. Машина несомненно направлялась прямиком к Бичо Раро; она гналась не за радиосигналом, а за чудом.

Даниэль открыл глаза и проговорил:

– Мне нужно добраться туда раньше них.

Какое же чудо без святого?

Глава 2

Той ночью в машине, что ехала в сторону Бичо Раро, сидели два человека: Пит Уайатт и Тони Ди Ризио. Пит и Тони столкнулись в Западном Канзасе много долгих часов тому назад. Не буквально столкнулись, но почти что. Пит тащился по уходящей в бескрайнюю прерию дороге, ловил попутку и четыре-пять раз в час принимался вслух считать дистанционные столбы, как вдруг откуда ни возьмись прямо у него над головой пролетела сова, так что юноша невольно подпрыгнул на несколько дюймов. В следующую секунду на том месте, где он только что находился, остановилась, взвизгнув тормозами, машина. Тони покрутил ручку, опуская оконное стекло, прищурился, пытаясь хоть что-то разглядеть сквозь тучу пыли и гравия, и требовательно спросил:

– Как меня зовут?

Пит признался, что ответа на этот вопрос не знает, и Тони посветлел лицом.

– Придется тебе покрутить баранку, – заявил он, отстегивая ремень безопасности, – а то я маленько накачался.

Вот так Пит, паренек, всего несколько десятков раз водивший отцовский седан с тех пор, как получил права, оказался за рулем вызывающе непривлекательного грузопассажирского автомобиля «Меркури», выкрашенного в яично-желтый цвет. Тони Ди Ризио любил большие машины. В агентство по продаже автомобилей он явился, вооружившись лишь рулеткой да чековой книжкой.

По его мнению, в машине длиной более семнадцати футов, облицованной деревянными панелями, чувствовалась определенная стабильность.

Сам Тони был красив, как сигарета. В настоящий момент он носил белый костюм и короткие темные баки. И костюм, и баки, некогда весьма элегантные, к моменту встречи с Питом успели изрядно помяться. Тони уже пять дней гнал вперед свой «Меркури», а себя загонял и того дольше. Ему было всего тридцать четыре, но все эти годы он прожил дважды: один раз как Тони Ди Ризио и один раз как Тони Триумф. Пережив настолько скучное детство, что не расскажешь в приличном обществе, он стал диджеем на радиостанции с легкой музыкой, слишком скучной, чтобы слушать ее в приличном обществе. За последние несколько лет Тони сделал себя и радиостанцию неотъемлемой частью любого дома: для этого он приглашал в студию случайных домохозяек, те выбирали какую-то песню, а хитрый диджей объявлял ее «хитом этого часа». На Тони открыли настоящую охоту; все женщины Филадельфии высматривали знаменитого диджея в продуктовых магазинах и на улицах, надеясь, что тот их заметит. Местная газетенка и так и этак обсуждала его эфиры, пытаясь путем сложного анализа определить, женщин какого типа чаще всего приглашает Тони; во что эти счастливицы одеты (чаще всего таковые щеголяли в туфлях без каблука); как причесаны (счастливицы частенько заявлялись в студию в бигуди); и сколько им лет (обычно больше пятидесяти). Через все статьи красной нитью проходила одна и та же мысль: **ТОНИ ТРИУМФ НУЖДАЕТСЯ В МАТЕРИНСКОЙ ЗАБОТЕ?**

Вот чего хотел Тони: избавиться от снов, в которых над ним смеялись малюсенькие птички с очень длинными ногами. Вот чего он боялся: что люди станут смотреть, как он ест.

А еще он скучал по матери.

Ничего этого Пит Уайатт не знал. Он не очень любил легкую музыку и вдобавок никогда не бывал восточнее Миссисипи. Этот опрятный парень с тусклыми каштановыми волосами, яркими карими глазами и довольно аккуратными ногтями всего несколько недель назад окончил старшую школу. Хотя Пит был младше Тони на десяток с хвостиком лет, он уже родился старым, то есть изначально был хорошим камнем, на котором можно построить церковь, – таким уж выкатился из лона матери.

Пит был из тех людей, что не могут не помогать. В двенадцать лет он организовал благотворительный сбор консервов и установил мировой рекорд по количеству фунтов супа-пюре из кукурузы, когда-либо розданного бедным. В пятнадцать, движимый невысказанным страданием ребенка, не имеющего друзей, накопил денег и купил каждому первокласснику в своей старой школе по цыпленку. Освещавшие этот смелый проект газеты истолковали намерение юноши превратно, в итоге три расположенные в Индиане фермы по разведению домашней птицы сначала получили удвоенные пожертвования, потом утроенные и, наконец, учетверенные. В родной город Пита прибыли две тысячи цыплят – по одному на каждого первоклассника в городе плюс три цыпленка в подарок. Этих трех цыплят Пит учил всевозможным трюкам, чтобы развлекать бабушек и дедушек в домах престарелых.

Окончив школу, Пит собирался записаться в армию, дабы пойти по стопам отца, но доктора нашли у него в сердце отверстие. Поэтому сразу после выпускного молодой человек спрятав свой стыд под спортивным костюмом и отправился автостопом из Оклахомы в Колорадо.

Вот чего хотел Пит: открыть свое дело, которое принесло бы ему столько же счастья, сколько две тысячи цыплят. Вот чего он боялся: что странная, давящая пустота в сердце рано или поздно его убьет.

До Колорадо путь неблизкий, откуда бы вы ни ехали (ну, почти что). Это означало, что путешествие обещало выдаться долгим при любых обстоятельствах, однако казалось еще дольше, потому что Пит и Тони, как большинство людей, которым суждено было стать друзьями, терпеть друг друга не могли.

– Сэр, – сказал Пит, опуская оконное стекло спустя всего несколько часов пребывания за рулем, – не могли бы вы прекратить?

Тони курил, развалившись на пассажирском сиденье, а серый день за окном уже начинал клониться к вечеру. Пит высматривал дорожные знаки, в тщетной попытке сообразить, как далеко они уже заехали, но до сих пор ни одного не увидел.

– Малыш, – ответствовал Тони, – а ты не мог бы вытащить палку из задницы?

– Я уже десять часов подряд сижу за рулем, из-за того что вы маленько накачались, да еще и кашляю из-за вашего дыма. Честно говоря, не вижу в этом никакого смысла.

Некоторые люди полагают, что курение оказывает расслабляющее действие. Другие считают, что оно помогает им расслабиться, но в то же время их оскорбляет. Третьи себя оскорбленными не чувствуют, но, куря, ужасно нервничают. А есть такие, которые одновременно чувствуют себя оскорбленными и нервничают при одном упоминании этого слова. Пит принадлежал к последнему типу людей.

– Ты всегда такой правильный? Не хочешь включить радио?

Нужная кнопка отсутствовала. Пит сказал:

– Не могу. Тут нет ручки настройки.

– Чертовски верно, – довольно ответил Тони, – потому что я выбросил ее в окно еще в Огайо. Не хотел слушать это нытье, и твое тоже выслушивать не желаю. Так что лучше бы ты перестал смотреть на меня глазами потерявшегося щенка. Погляди в окно, полюбуйся сельской местностью.

Совет получился бестолковый. Пит до зубовного скрежета устал таращиться на монотонно ползущий за окнами пейзаж, и думал лишь о том, как бы от сего зрелища отвлечься. Между тем Тони начал клевать носом, а потом и вовсе задремал, и Пит остался один на один с природой. В течение дня ландшафт медленно менялся: равнины перетекали в холмы, те перерастали в горы, горы, в свою очередь, превращались в очень высокие горы, а потом вдруг появилась пустыня.

Пустыни в этом уголке Колорадо суровые. Это вам не разноцветные камни с изящными кактусами, каковые можно найти дальше, на юго-западе, и не молчаливые, покрытые соснами утесы и долины, покрывающие большую часть Колорадо. Это бесплодная пустошь, поросшая

низкорослым кустарником, присыпанная желтой пылью; это иссиня-черные, острозубые горы на горизонте, всем своим видом демонстрирующие, что они вам не рады.

Пит моментально влюбился по уши.

Странной, холодной пустыне безразлично, жив ты или умер посреди этой пустоши, и всё же Пит в нее влюбился. Прежде он никогда не думал, что какое-то место может быть таким незащищенным, и едва не расплакался. Слабое сердце юноши почувствовало опасность, и всё же он не мог устоять.

Он влюбился так страстно, что это заметила даже сама пустыня. Пустыня привыкла к случайным любовным интрижкам проезжающих по ней чужаков, поэтому решила подвергнуть любовь Пита суровому испытанию, настав на него пыльную бурю. Песок молотил по машине, проникал в салон через края окон, заметал углы приборной панели. Питу пришлось остановиться, убрать с решетки «Меркури» перекасти-поле и ветки, а также вытряхнуть песок из ботинок, и всё же его любовь устояла. Пустыню это не убедило, и она подговорила солнце светить во всю мощь, дабы свалить Пита и Тони с ног. В машине быстро установилась страшная жара. Приборная панель треснула от перегрева, а руль под ладонями Пита раскалился, точно расплавленный металл, – не дотронешься. По шее юноши катились, стекая за ворот, капли пота, во рту пересохло, и всё же он был очарован. Потом, когда день уже клонился к закату, обессиленная пустыня из последних сил вызвала слабенький дождь к северу от «Меркури». Дождь породил небольшое наводнение, так что по шоссе пополз грязевой поток, красиво освещенный тусклым светом заходящего солнца; пустыня позволила температуре резко упасть, так что холод стал пробирать до костей. Грязь замерзла, растаяла, наконец снова передумала и замерзла еще раз. Из-за таких колебаний природы асфальт на шоссе вспучился, треснул, образовалась яма, в которую и ухнул «Меркури».

От резкого сотрясения машины Тони проснулся.

– Что тут произошло?

– Погода, – ответил Пит.

– Обожаю погоду, прямо как свои новости, – проворчал Тони. – Только когда они случаются не со мной.

Пит открыл дверцу машины, приложив изрядное усилие: автомобиль сильно накренило.

– Садитесь за руль.

Он выбрался из ямы, готовясь выталкивать из нее автомобиль, в то время как Тони снова надел ботинки, а потом переполз на водительское сиденье. Пустыня наблюдала, как Пит силится вытащить машину из ямы, давя плечом на неестественно задранный кверху бампер. Зависшие в воздухе колеса вхолостую крутились, обдавая ноги юноши золотистыми брызгами холодной жидкой грязи.

– Малыш, ты там толкаешь или как? – крикнул Тони.

– Толкаю, сэр.

– Уверен? Может, ты тянешь?

– Мы можем поменяться местами, – предложил Пит.

– Между «мы можем» и «нам следует» лежит чертова бездна, – отрезал Тони, – и у меня нет ни малейшего желания ее пересекать.

В конце концов «Меркури» вырвался на свободу. Глаза Пита были прикованы вовсе не к выкатившейся на ровный асфальт машине, а к меняющемуся на глазах умопомрачительному горизонту. Последний луч солнца играл с пустыней, и каждая травинка поблескивала искорками, что вспыхивали на каплях воды. Руки Пита болели от усталости и покрылись гусиной кожей, и всё же он наслаждался сказочным видом, жадно глотал пропитанный ароматом можжевельника воздух, чувствуя, что влюблен до безумия.

Пустыня, обычно не склонная к сочувствию и сентиментальности, расчувствовалась и впервые за долгое-долгое время полюбила кого-то в ответ.

С наступления ночи минуло уже несколько часов, и лишь тогда Пит собрался с духом и поинтересовался у Тони, куда тот направляется. Раньше это не имело особого значения: было очевидно, что какую-то часть пути они проделают вместе, потому что встретились в той части Канзаса, в которой кроме как на запад двигаться некуда.

– Колорадо, – ответил Тони.

– Мы в Колорадо.

– Рядом с Аламосой.

– Мы недалеко от Аламосы.

– Бичо Раро, – разродился Тони.

Пит так долго смотрел на Тони, что «Меркури» успел слегка сбиться с курса.

– Бичо Раро?

– Малыш, я разве заикаюсь?

– Просто дело в том... Я тоже туда еду.

Тони лишь слегка шевельнул густой черной бровью да глянул в окно, за которым стояла непроглядная темень.

– Что? – спросил Пит. – Вы не верите, что это совпадение?

– Считать ли совпадением то, что ты не хочешь выходить из машины и тащиться пешком через пустыню? Ага, это просто чудо, сынок.

Пит был честным малым, поэтому у него ушло около минуты на то, чтобы понять, что имеет в виду Тони.

– Послушайте, сэр, у меня при себе письмо от моей тети, оно здесь, в кармане моей рубашки. Можете сами взглянуть и убедиться: я направляюсь в Бичо Раро.

Он на ощупь извлек из кармана конверт, и «Меркури» снова вильнул в сторону.

Тони покосился на юношу.

– Почему мне знать, может, это твоя домашка по математике.

Так уж вышло, что за несколько дней пешего путешествия по шоссе письмо, присланное Питу его тетей Жозефой, пропиталось потом. Для Тони это не имело особого значения, а вот Питу была невыносима одна только мысль о том, что кто-то может посчитать его нечестным иждивенцем.

– Я еду туда на лето, поработать. Пару лет назад моя тетя там гостила. Сейчас она живет недалеко от Форт-Коллинса, но в то время она была там и... Не знаю, почему я вам это рассказываю, но тогда она попала в настоящую беду и впоследствии говорила, что там ей очень помогли. Она написала мне и сообщила, что они готовы отдать мне свой грузовой фургон, а его стоимость я смогу им возместить тяжелым трудом.

Тони выдохнул очередное облачко дыма.

– И на кой черт тебе сдался грузовой фургон?

– Я собираюсь заняться грузоперевозками. – Сказав это, Пит как наяву увидел логотип своей будущей компании: надпись «ПЕРЕВОЗКИ УАЙАТТА», а рядом – дружелюбного вида синий бычок, запряженный в повозку.

– До чего забавные идеи выдумывает нынешняя молодежь.

– Это отличная идея.

– То есть всё, чего ты хочешь от жизни, это какая-то транспортная компания?

– Это отличная идея, – повторил Пит. Он крепче впился в руль и несколько минут вел машину молча. Дорога стрелой уходила вперед, небо сонно нахмурилось, и если что и привлекало внимание путников, так это совершенно одинаковые столбы, обмотанные колючей проволокой. Пит не видел пустыню и всё же знал, что она совсем рядом. Отверстие в сердце Пита вдруг отозвалось особо резкой болью.

– А вы зачем едете в Бичо Раро?

Истина заключалась в следующем. Каждое утро, дабы собраться с духом и отправиться-таки на работу, чтобы провести очередной веселый! яркий! приятный! эфир, Тони ехал через всю Филадельфию в район Джуниата, парковался рядом с парком и просто сидел в машине, а вокруг сновало множество людей, которые – он в этом не сомневался, – понятия не имели, кто он такой. Многие чувствуют себя некомфортно, оказавшись среди незнакомцев, но для Тони, чья жизнь постоянно рассматривалась под микроскопом, это было вдохновением. На несколько минут он переставал быть Тони Триумфом и становился просто Тони Ди Ризио. Потом он заводил машину и ехал на работу.

Однажды утром, за несколько недель до описываемых событий, в окно его машины постучала какая-то женщина. Шел дождь, и незнакомка нацепила на голову большой пакет для продуктов, дабы защитить свои кудряшки. На вид ей было лет пятьдесят. «Энергичная домохозяйка» – женщин именно такого типа Тони обычно приглашал на свое шоу, однако дама не оправдала его опасений. Она сообщила диджею, что они в тесном семейном кругу хорошенько всё обсудили и пришли к выводу, что Тони просто необходимо отыскать семейство Сория. Тут-то Тони и заметил, что семейка в полном составе стоит в нескольких шагах позади дамы, очевидно, ее отправили с докладом вперед, как главу дома. Женщина заявила, что они знают Тони и им жаль видеть его в таком состоянии. Сория больше не живут в Мексике, так что Тони не придется беспокоиться о том, как пересечь границу. Всё, что ему нужно сделать, это ехать на запад и прислушиваться к отзвукам чудес в своем сердце. У семейства Сория он непременно найдет перемены, которые ему так нужны.

Тони сказал женщине, что у него всё прекрасно, а та покачала головой, вручила ему носовой платок, похлопала по щеке и ушла. Тони и не думал плакать, но, развернув платок, увидел сделанную фломастером надпись: *Бичо Паро, Колорадо*.

Теперь же Тони просто спросил у Пита:

– Малыш, ты суеверный?

– Я христианин, – честно ответил юноша.

Тони рассмеялся.

– Знавал я одного парня, так он рассказывал леденящие кровь истории про эту долину. Якобы тут видели странные огни, может, даже летающие тарелки. Якобы тут ночами бродят люди-мотыльки, оборотни и вообще всякие жуткие твари. Птеродактили.

– И грузовики.

– Ни разу не смешно.

– Нет, вон там. – Пит показал пальцем. – Разве это не похоже на припаркованный грузовик?

Сам того не ведая, Пит указывал на тот самый грузовик, ради которого проделал весь свой долгий путь – тот самый грузовик, которым владели трое кузенов Сория, среди которых была та, в кого ему суждено было влюбиться. Пит прищурился, пытаясь разглядеть машину получше, но тут задняя дверь грузовика захлопнулась и свет погас. Пустыню накрыла крошечная темень, и Пит засомневался, действительно ли он что-то видел или ему померещилось.

– Рептилоиды, – предположил Тони. – Наверное.

На самом деле Тони тоже успел кое-что заметить – не снаружи, а внутри себя самого. Он вдруг ощутил необычное притяжение и вспомнил слова той женщины: «Прислушайся к чудесам». Правда, слово «прислушиваться» вряд ли подходило к ситуации, ибо, строго говоря, Тони ничего не слышал. Он не улавливал ни звука, ни пения; его уши бездействовали. В дело вступила какая-то загадочная часть его души, которой Тони ни разу не пользовался до этой ночи и которой ему уже никогда не суждено было воспользоваться в будущем.

– Кажется, – промолвил Тони, – мы почти на месте.

Глава 3

Бичо Раро было местом странных чудес.

«Меркури» чиркнул боком об изгородь, накренился и остановился; в свете его фар медленно кружились пылинки. Яично-желтый грузопассажирский автомобиль стоял посреди скопления разномастных хижин, палаток, сараев, домиков и покосившихся сараев, лепившихся друг к другу тесным полукругом; остовы машин, оплетенные колючей проволокой, плыли по течению; какие-то ржавеющие агрегаты, наполовину утопленные в воде, жались к берегам неглубокого прудика. Большая часть построек тонула в ночном мраке. Над крыльцом одного домика горел одинокий фонарь; вокруг него метались и порхали тени, похожие на мотыльков или птиц. Это были не мотыльки и не птицы.

До появления в этих краях семейства Сория Бичо Раро ничего из себя не представляло, являясь, по сути, вытянутой оконечностью большого ранчо, предназначенного для разведения крупного рогатого скота, причем определение «чистое поле» подходило для этого места куда больше, чем собственно «ранчо». Так было до того, как семья Сория покинула Мексику, еще до революции, и в ту пору семейство это звалось Лос-Сантос де Абехонес. Когда они были Лос-Сантос де Абехонес, множество паломников стекалось к ним за благословением и исцелением; пилигримы разбивали палатки вокруг тогда еще крошечного городка Абехонес, и эти палаточные городки тянулись на многие мили, до самых гор. Торговцы у дороги продавали ожидающим открытки с текстами молитв и амулеты. Слухи об удивительном городе расползлились по всей стране: легенды разносились на спинах лошадей и в дорожных сумках, о семействе слагали баллады, которые по ночам распевали в барах. Удивительные превращения и ужасающие деяния: по правде говоря, публику не особо заботило, рассказывается ли в тех историях о хорошем или плохом, – главное, они были захватывающими и привлекали толпы слушателей. Вздурораженный народ крестил детей в честь членов семейства Лос-Сантос, целые армии брались за оружие во имя чудотворцев. Тогдашнее правительство Мексики было не в восторге от такой народной любви и выставило семье Сория условие: либо те прекращают творить чудеса, либо пускай начинают молиться, ибо в противном случае их самих спасет только чудо. Сория обратились за поддержкой к церкви, однако католическая церковь была не в восторге от темных чудес и тоже заявила семье Сория, что либо те прекращают творить чудеса, либо пускай начинают молиться, ибо в противном случае их самих спасет только чудо.

Однако Сория были прирожденными святыми.

Под покровом ночи все члены семейства покинули Мексику и шли без остановки до тех пор, пока не нашли другое укрытое горами, тихое место, где можно было без помех позволять чудесам быть услышанными.

Так началась история Бичо Раро.

– Вот и всё, малыш, – сказал Тони и вылез из «Меркури»; к нему вновь вернулась его обычная самодовольная манера держаться, отдающая развязностью. Поневоле станешь чуточку самоуверенным, добравшись до конца путешествия длиной в две тысячи миль, даже если ты совершенно не уверен в будущем.

Пит остался сидеть за рулем и опустил оконное стекло. Он медлил по двум причинам. Прежде всего, его опыт пребывания в Оклахоме подсказывал, что в местах, подобных этому, могут обитать спущенные с привязи собаки. Хоть Пит и не боялся собак, в детстве его один раз укусил соседский пес, так что с тех пор молодой человек предпочитал избегать ситуаций, в которых прямо на тебя несутся крупные млекопитающие. Вдобавок теперь он видел, что, вопреки его ожиданиям, Бичо Раро вовсе не является городом, а значит, тут нет мотеля, где можно остановиться на ночь, и нет общедоступного телефона, воспользовавшись которым можно было бы позвонить тете.

– Рано или поздно тебе придется вылезти из машины, – окликнул его Тони. – Мне казалось, ты именно сюда хотел попасть. Ты же говорил: «Мы оба едем в одно и то же место! Моя тетушка велела мне идти всё прямо и прямо, до тех пор, пока я не упрусь в «Меркури». Твои слова?! «Вы что, назвали меня лжецом, сэр?» Вот то самое место!

Тут раздался собачий лай.

Иногда, если вы идете мимо фермы и прямо на вас выпрыгивают собаки, за ними частенько бегут хозяева, рассыпаясь в уверениях: мол, собаки лают, да не кусают; не смотрите, что они у нас здоровые волкодавы, зато в душе – чистые котята. «И мухи не обижают. Практически члены нашей семьи». Гости успокаиваются, осознав, что собачки нужны исключительно ради отпугивания воров или крупных хищников.

Никто не сказал бы ничего подобного про собак, живущих в Бичо Раро. Их было шесть, и, хотя все они были из одного помета, каждая псина отличалась от братьев и сестер мастью, размером и статью. Зато все они были как на подбор уродливы. Вообще-то должно было родиться двенадцать щенков, но эти шестеро обладали таким злобным нравом, что сожрали шестерых других щенят еще в утробе матери. Они были такие злобные, что сразу после их рождения их матушка потеряла с ними всякое терпение и оставила их под платформой на колесах, которую в Фармингтоне использовали во время фестивалей. Там их подобрал один добросердечный дальнбойщик и посадил в коробку, вознамерившись заботиться о них до отъемного возраста. Щенки оказались такими злобными, что бедняга запил и, в конце концов, бросил их в канаве недалеко от Пагоса-Спрингс. Там щенками попробовала было пообедать стая койотов, но малыши научились ходить, потом бегать, а потом сами набросились на койотов и гнали их почти всю дорогу до Бичо Раро.

Там-то их и нашла Антония Сория, мать Беатрис, подобрала и принесла домой. Щенки по-прежнему оставались очень злобными, но у Антонии характер тоже был не сахар, так что малыши ее полюбили.

Пару минут Тони держал позиции. Пит поднял оконное стекло. Шесть собак Антонии Сория рычали, бегали кругами вокруг машины, вставали на задние лапы и скалили зубы. Им еще не доводилось убивать человека, но на их мордах явственно читалось огромное желание исправить это упущение.

Вот как вышло, что когда в Бичо Раро начали зажигаться огни, Тони оказался на крыше «Меркури». Когда загорелись огни, стало ясно, что вокруг полным-полно сов. Тут были большие филины, сычи-эльфы, длинноухие и короткоухие совы; похожие на привидений сипухи с сердцевидными мордочками и малые ушастые совы, косматые и хмурые от рождения; темноглазые пестрые неясити и пятнистые неясити; центральноамериканские ушастые совы, глаза которых краснеют, если ночью от них отразится свет, – эти совы, как и семейство Сория, происходили не из Колорадо, а перебрались в Бичо Раро из Оахаки и решили остаться.

Собаки пытались запрыгнуть на капот автомобиля, желая добраться до Тони, и Пит включил «дворники», чтобы отвлечь животных.

– Да ты настоящий герой войны, – рявкнул Тони. Одна из собак сожрала его левый ботинок.

– Мы могли бы просто уехать отсюда, – предложил Пит. – Вам придется крепко держаться.

– Парень, только попробуй повернуть ключ зажигания.

– Сэр, вы уверены, что так лучше?

– Чертовы пеликаны⁴, – проворчал Тони. В его душе росло приближающееся чудо, и совы низко кружили над крышей «Меркури». Со своего наблюдательного пункта Тони увидел на крыше одного из металлических гаражей маленьких сычей-эльфов, сидевших рядом.

⁴ Pelican – житель штата Луизиана (разг.).

Большеглазые, длинноногие птицы над ним не смеялись, и всё же по спине Тони побежали мурашки.

Тем временем оставшийся на водительском месте Пит высматривал хоть какие-то признаки человеческого присутствия. Наконец он увидел человека, более того, обнаружил, что человек этот тоже на него смотрит.

На крыльце маленькой хибары стояла девушка и пристально его рассматривала. Незнакомка была одета в очень красивое свадебное платье, и у нее было очень печальное лицо. Темные волосы девушка носила гладко зачесанными и собранными в низкий пучок; ее платье намокло, как и ее кожа. Девушка стояла под крышей крылечка, однако над ней самой шел дождь: крупные капли воды возникали из ниоткуда и падали прямо на волосы, плечи, лицо и одежду девушки. У ее ног собралась лужа, веселый ручеек стекал по ступеням крыльца и исчезал в кустах. Каждый дюйм ее платья был покрыт данаидами монархами: оранжево-коричневые крылья бабочек стеклянно поблескивали – они тоже намокли. Насекомые цеплялись за платье и лишь медленно ползали туда-сюда по ткани. Бабочки чрезвычайно хрупкие летуны и не могут порхать под дождем; даже капельки росы достаточно, чтобы пригвоздить их к месту. Переизбыток воды делает их крылышки слишком тяжелыми для полетов.

Это была Марисита Лопес, одна из паломников. С тех пор как она пережила свое первое чудо, над ней всё время шел дождь, поэтому ей на голову постоянно лилась вода, и дождевые капли вытекали из ее глаз. Кому-то может показаться, что иметь рядом с собой неистощимый источник осадков – великое благо, если ты находишься в пустыне, но это не так. Земля, не готовая к внезапному приливу жидкости, отказывалась ее впитывать. Вода собиралась в лужи и растекалась во все стороны, прибывая все попадающиеся на пути всходы и побеги. Там, где прошла Марисита, буйствовали потопа, а вовсе не цветы.

Вот чего хотела Марисита: попробовать на вкус ваниль и не расплакаться. Вот чего она боялась: что самое красивое в ней – это ее внешность.

Глядя на нее, Пит никогда бы не подумал, что незадолго до их с Тони прибытия Марисита собиралась принять ужасное решение и теперь не могла начать действовать, пока не уляжется шум.

Юноша опустил оконное стекло и крикнул:

– Вы не могли бы нам помочь?

Однако Марисита, погруженная в собственную темную ночь, медленно ушла обратно в дом.

Пит снова прокричал:

– Здесь есть хоть кто-нибудь?

Кто-то определенно был. В лачугах находились дядюшки и тетушки, бабушки, кузены и малые дети, но никто из них не желал приветствовать пилигримов. Нет, у них и в мыслях не было отказать новоприбывшим в чуде; просто все имевшиеся в наличии кровати уже были заняты. Бичо Раро было под завязку набито паломниками, и никто из них не мог уехать. А коль скоро Сория не имели возможности предоставить пилигримам еще одну комнату, оставалось лишь уповать на чудо. Несомненно, Даниэль всё уладит, так что всем остальным не придется покидать теплые дома и рисковать, общаясь с паломниками.

В эту самую минуту Даниэль крался обратно в Раку, в то время как Беатрис и Хоакин остались в грузовике с радио и пытались так рассчитать время, чтобы их собственное возвращение не вызвало ненужных вопросов.

Вот почему перед Тони и Питом замаячила перспектива провести довольно долгое время *на* и в машине соответственно, и спасло их только весьма своевременное появление другого автомобиля.

Их спасителями стали старшая сестра Беатрис, Джудит, и ее новый муж, Эдуардо Коста, вернувшиеся из Колорадо-Спрингс. Эдуардо сидел за рулем новенького пикапа марки «Шев-

роле». Все сходились во мнении, что Эдуардо любил пикап больше Джудит, но, по крайней мере, он одинаково хорошо заботился и о жене, и о машине. Их обеих – а если считать Джудит, то троих – не ждали в Бичо Раро раньше завтрашнего дня, однако ребята решили воспользоваться понижением температуры и прокатиться после заката.

Некогда Джудит была самой прекрасной женщиной в Бичо Раро, но потом переехала и теперь являлась самой прекрасной женщиной в Колорадо-Спрингс. Она была так красива, что люди на улице останавливали ее и благодарили. Будучи школьницей, она ходила на занятия исключительно с одной целью: научиться добиваться всего, чего ей только захочется, с помощью своих иссиня-черных волос, а теперь принялась за волосы других женщин и вместе еще с несколькими сотрудницами работала в маленькой парикмахерской. Рот Джудит напоминал бутон розы, как и рот ее младшей сестры Беатрис, только Джудит красила свои губы кроваво-красной помадой, тем самым выгодно оттеняя свою смуглую кожу и блестящие черные волосы. Еще в утробе матери она носила накладные ресницы, однако во время родов они отлетели, и с тех пор Джудит не тратила время на то, чтобы каждый день их приклеивать. Если Беатрис уродилась в их отца, Франсиско, то Джудит пошла скорее в мать, переменчивую Антонию.

Вот чего хотела Джудит: иметь два золотых зуба, которые бы никто кроме нее не видел. Вот чего она боялась: заполнять медицинские бланки перед посещением врачей.

Эдуардо был самым красивым мужчиной в семье Коста – а это о многом говорит, – однако не настолько привлекательным, чтобы люди на улице останавливали его и благодарили. Члены семейства Коста слыли отличными ковбоями и разводили скаковых лошадей для родео. Все Коста, как и их лошади, были стремительными, очаровательными и могли развернуться на 180 градусов быстрее, чем вы успели бы произнести: *¿Qué onda?*⁵ Еще они хорошо делали свое дело, и ни один Коста ни разу в жизни не ударил ребенка, то же относилось и к их лошадям. По части моды Эдуардо даже перещеголял жену: его наряды состояли из ярко-красных рубашек (под цвет губ Джудит), обтягивающих черных брюк (под цвет волос Джудит), а также тяжелых кожаных пальто с меховыми воротниками, подчеркивающих стройность его супруги.

Вот чего хотел Эдуардо: чтобы певцы смеялись в паузах между куплетами. Вот чего он боялся: что, пока он спит, ему на лицо лягут кошки и задуют.

Прибыв на место, Джудит и Эдуардо быстро оценили представшее их взорам зрелище: огромный, обшитый деревянными панелями «Меркури», на крыше которого сидит американец итальянского происхождения, а внутри виднеется массивная фигура Пита. Разлетающаяся красивыми брызгами собачья слюна дополняла картину.

– Эд, ты узнаешь эту машину? – спросила Джудит.

Эдуардо вынул изо рта сигарету и выдал:

– Это *Mercury Colony Park* прошлого года выпуска в золотисто-желтом цвете.

На это Джудит сказала:

– Нет, я имею в виду, ты узнаешь человека на крыше?

– Тогда надо было сказать: «Ты узнаешь человека на крыше?»

– Ты узнаешь человека на крыше?

Эдуардо подъехал поближе, осветил искомого человека светом фар – Тони заслонила глаза ладонью, – и пригляделся.

– Нет, но мне нравится его костюм.

Одна из собак как раз вцепилась в левый рукав вышеупомянутого белого костюма, и Тони, посчитав, что осторожность – это неотъемлемая часть мужества, позволил псине завладеть всем пиджаком, сохранив при этом левую руку.

– Похоже, мама позволила им тут бегать, – сердито проговорила Джудит.

⁵ *¿Qué onda?* – Как жизнь? (лат. – амер. жарг.)

– Держу пари, она сейчас делает один из своих цветочков.

– Не говори о ней, – отрезала Джудит, хотя сама секунду назад собиралась высказать именно это предположение.

«Шевроле» гордо задрал нос рядом с «Меркури» – он был достаточно высок, так что Эдуардо Коста и Тони Ди Ризио оказались практически лицом к лицу. Эдуардо посигналил, спугнув одну из собак с капота «Меркури», потом снова вытащил изо рта сигарету и протянул Тони со словами:

– Hola, путник!

Джудит пригладила волосы и тоже включилась в разговор.

– Вы приехали за чудом?

Тони разок затянулся, потом точно выверенным щелчком метнул сигарету в одну из собак.

– Леди, если мне удастся спуститься с крыши моей машины, это уже будет чудом.

Эдуардо свесился из окна «Шевроле» и обратился к «Меркури»:

– Ты здесь ради чуда, *mi hijo*?⁶

Пит так и подпрыгнул.

– Я здесь ради грузовика.

– Он здесь ради грузовика, – сообщил Эдуардо жене.

– Папе следовало бы пристрелить этих собак, – ответила Джудит.

– Пули побоятся попадать в такую цель, – заметил ее муж.

Не торопясь и не смущаясь обращенных на него взглядов, он закурил новую сигарету и со вкусом выдохнул дым. Потом поцеловал жену, пригладил усы, распахнул дверь пикапа и легко спрыгнул на землю, так что вокруг его остроносых ковбойских сапог взметнулось облачко пыли. Собаки Антонии повернулись к нему. Заухала сова. В одной из дальних хижин взвыло какое-то существо. Луна коварно улыбнулась. Затем Эдуардо отшвырнул сигарету и бросился бежать. Человек, а следом за ним и собаки, промчались через двор и скрылись во тьме.

Члены семьи Коста известны своей быстротой и пристрастием к курению.

В повисшей вслед за этим тишине Джудит вылезла из пикапа и зашагала к «Меркури» грациозной, танцующей походкой, так подчеркивающей ее красоту. Она очень нервничала, но не показывала этого.

– Так, ребята, давайте-ка подыщем вам место для сна, а там будет видно... Беатрис! Что это ты там прячешься?

Беатрис не пряталась, всего лишь неподвижно стояла в самой густой тени возле дома ее матери, так тихо, что даже собаки Антонии ее не заметили. Она ждала возможности потихоньку забраться обратно к себе в спальню, однако Джудит, проявив присущую всем сестрам сверхъестественную интуицию, ее там засекла.

– Кроватей нет, – обратилась Беатрис к Джудит. – С тех пор как ты уехала, никто из пилигримов нас не покинул.

– Нет кроватей! Уму непостижимо! – Надо сказать, Джудит не была в Бичо Раро несколько месяцев.

– Это правда, – раздался голос из одной из покрытых штукатуркой построек. Это был один из паломников – они вечно подслушивали, ибо очень интересовались жизнью членов семьи Сория, несмотря на запрет. Стоило кому-то из Сория выйти из дома, и он или она могли быть уверены: за ними наблюдают. Сейчас голос раздавался изнутри одной из хибарок, и непривычным Тони с Питом показался едва ли не загробным. Тут голос добавил: – Зато на полу места сколько угодно.

⁶ *Mi hijo* – сынок (исп.).

– Не разговаривай со мной! – рявкнула Джудит на невидимого пилигрима. Пит и Тони сочли подобное обращение весьма недружелюбным, однако требование Джудит было во многом продиктовано страхом. Все Сория относились к пилигримам с осторожностью, а Джудит одной осторожностью не ограничивалась: она боялась паломников. Именно поэтому, едва выйдя замуж, она уехала из Бичо Раро и до сего дня не возвращалась. Джудит не выдерживала напряженной ежедневной и еженощной жизни бок о бок с этими несчастными.

Беатрис сказала:

– Майкл строит гостиницу, но она еще не готова.

– Гостиницу? – Мысль о целой гостинице, полной пилигримов, едва не dokonала Джудит. – У нас тут не отель. Ладно, ладно! Эти люди могут получить чудо, а потом отправиться восвояси или лечь спать на полу! Кто из вас хочет пойти первым? Отец или сын?

– Леди, я что, по-вашему, настолько старый? – возмутился Тони. – Да я только сегодня повстречал этого парня.

– Мэм, я здесь исключительно по поводу работы, – быстро сказал Пит. Чем больше молодой человек прислушивался к беседе, тем сильнее в нем крепла уверенность в том, что Тони прибыл сюда по совершенно иной причине, нежели он сам. Он чувствовал, что нужно поскорее обозначить свою непричастность к делишкам своего случайного попутчика, особенно на случай, если это что-то незаконное.

– Работа? – Джудит уставилась на Пита в полном замешательстве. – Не чудо?

– Не для меня, мэм.

Эти слова привлекли внимание Беатрис. Обычно под покровом ночи в Бичо Раро бывали либо члены семьи Сория, либо жаждущие чуда пилигримы, а тут вдруг появляется этот незнакомец, не относящийся ни к тем, ни к другим. Беатрис заметила:

– И не для кого из нас, я полагаю.

После этого обмена репликами Пит и Беатрис впервые по-настоящему обратили внимание друг на друга. Они оба использовали этот миг взаимного разглядывания по-разному и в то же время одинаково.

Беатрис смотрела на Пита – тот сидел, свесив согнутую в локте руку из открытого окна «Меркури», – и гадала, каково это: осторожно коснуться большим пальцем внутренней стороны его локтя. С того места, где она стояла, Беатрис видела изгиб его руки, и ей казалось, что кожа в этом месте мягкая, и вообще это было бы приятно. Прежде Беатрис не замечала за собой таких порывов и слегка удивилась. Еще больше она удивилась, обнаружив, что это странное желание, раз возникнув, уже не исчезает, более того, распространяется уже и на второй локоть.

Будучи Беатрис, она сделала себе мысленную пометку хорошенько обдумать суть сего явления, дабы определить природу его возникновения. Впрочем, она и не подумала о том, чтобы воплотить это необычное желание в жизнь.

Пит в свою очередь рассматривал неподвижно стоявшую в тени Беатрис, отмечая, что та глядит на него жутковатым, немигающим взглядом, совсем как темноглазые пестрые неясоти, что сидели на крыше над девушкой. Они обменялись всего парой слов, и всё же Пит почувствовал, как опасно забилось его сердце – даже сильнее, чем пару часов назад, когда он влюбился в пустыню. Юноша не понимал, в чем причина такого повышенного интереса, но боль в сердце была до ужаса сильна. Пит прижал ладонь к груди и дал себе слово на время работы в Бичо Раро держаться подальше от Беатрис.

– Я подожду в машине, – поспешно проговорил он и, торопливо покрутив ручку, поднял оконное стекло.

– В моей машине? – возмутился Тони.

Времени на дальнейшие препирательства не оставалось: над Бичо Раро вновь зазвенел быстро приближающийся лай собак Антонины. Эдуардо Коста успешно отвлек зверей на какое-то время, а пару минут назад на последнем дыхании забрался на стоявший недалеко от шоссе

полуразрушенный хлев, чтобы сохранить себе жизнь. Псы оставили его сидеть на ветхом остове здания, а сами помчались обратно, горя желанием слопать второй ботинок Тони.

– Надо идти, пока собаки до нас не добрались, – заявила Джудит. Она посмотрела на Беатрис, но той уже и след простыл.

Беатрис всеми силами старалась избежать общения с незнакомцами, если эту обязанность можно было свалить на кого-то другого, вдобавок ей совершенно не улыбалось добровольно творить чудо. (Кроме того – и Джудит об этом не ведала, – Беатрис хотела тщательно проанализировать природу посетившего ее странного чувства, связанного с Питом, и беспокоилась, что в любой момент может испытать другое чувство, которое собьет чистоту эксперимента.)

– *Беатрис*, – прошипела Джудит. Потом бросила, обращаясь к Тони: – Идемте, скорее.

Приближающийся лай придал Тони ускорение. Он поспешно захромал следом за Джудит – одна нога в ботинке, другая – в одном носке.

– Куда мы идем?

– А вы сами как думаете? – сердито ответила Джудит. – За вашим чудом!

Глава 4

Святой Бичо Раро сидел в Раке и слушал приближающиеся шаги Тони Ди Ризио.

Рака была самым старым зданием в Бичо Раро; ее спроектировал и построил Фелипе Сория, член семьи, о котором теперь говорили исключительно шепотом. Он приехал в Бичо Раро на крупном жеребце золотисто-медовой масти, в большой, золотисто-медового цвета шляпе и сразу же начал строить близ дороги алтарь, заявив, что ему явилась Пресвятая Дева и повелела это сделать.

В первый день Фелипе возвел и покрыл штукатуркой стены, так что получилась небольшая конструкция, размером с лошадиное стойло, и остальным Сория это понравилось. На второй день он выломал из заброшенного железнодорожного полотна рельсу, расплавил, отлил дивно украшенные металлические ворота, и остальным Сория это понравилось. На третий день он обжег тысячу керамических плиток жаром собственной веры, выложил ими крышу, и остальным Сория это понравилось. На четвертый день Пресвятая Дева явилась снова, на сей раз в окружении сов; в этот раз Фелипе вырезал статую Богородицы, установил в Раке, и остальным Сория это понравилось. На пятый день он создал яркую краску из неба, к которому так сильно приблизился, выкрасил наружные стены Раки в бирюзовый цвет, и остальным Сория это понравилось. На шестой день он остановил пассажирский поезд, ограбил пассажиров, убил ехавшего тем поездом шерифа, а из бедренной кости шерифа сделал крест и украсил им крышу Раки. Семейству Сория это не понравилось.

На седьмой день Фелипе Сория исчез на веки вечные, вот почему теперь остальные Сория говорили о нем не иначе как шепотом.

Когда Хоакин был маленьким, он как-то раз сказал своей матери, Розе, что видел, как Фелипе Сория бродит по пустыне вокруг Бичо Раро, да только Фелипе на тот момент уже было бы сто тридцать лет, поэтому Хоакину никто не поверил. Члены семьи Сория были долгожителями (если только внезапно не умирали), но такой возраст представлялся недостижимым даже для Сория.

Пока Джудит Сория Коста вела Тони к Раке, ныне действующий святой Бичо Раро стоял на коленях внутри этого маленького святилища. Всю дорогу от грузовика он бежал, чтобы успеть подготовиться (духовно) к сотворению чуда и успеть подготовиться (физически) к появлению в качестве святого. Он не обязан был этого делать, ибо даже те из Сория, кто у Бога на плохом счету, способны творить чудеса; однако Даниэль верил, что чем лучше он подготовит свой дух к проведению ритуала, тем выше вероятность, что пилигрим полностью исцелится. Чудеса, он это чувствовал, исцеляли не только души паломников, но и его собственную душу.

Даниэль Лупе Сория не всегда шел по пути святости.

Ребенком он был таким гадким, что тетя Роза дважды отправляла его к экзорцистам.

Даниэль был таким ужасным, что сегодня мог загнать живность из хлева на шоссе, а завтра – сжечь целое стадо коров. Он был таким ужасным, что ковбои с соседних ранчо до сих пор использовали его имя в качестве проклятия. Подростком он вместе со школьными приятелями надумал украсть из церквушки, расположенной недалеко от Аламасы, изображение Младенца Христа⁷. Младенец Христос укоризненно взирал на похитителя, а Даниэль вынес икону из церкви прямо к грузовику, в котором его ждали друзья. Однако пока мальчик спускался вниз по лестнице, икона становилась всё тяжелее и тяжелее, и в конце концов Даниэль был вынужден поставить ее на землю. Приятели смеялись и издевались над ним, но так и не смогли сдвинуть образ с места. Даниэль уже подумывал, что лучше оставить икону рядом с

⁷ Santo Niño de Atocha – популярное в культуре Испании, Латинской Америки и США изображение Младенца Христа, одетого пилигримом.

храмом и уйти, как вдруг заметил надпись на обороте: «Пожертвование от анонимного дарителя всем нечестным святым»⁸.

Даниэля вдруг охватило чувство вины, оно легло на плечи еще более тяжким грузом, чем сама икона; он понял, что не может бросить образ на улице и подвергнуть его воздействию стихии. Мальчик решил дожидаться утра, когда вернется священник, даже если тогда ему придется сознаться в краже. Приятели его бросили, но Даниэль остался ждать. Поднялся сильный ветер, в воздух полетели комья грязи, а Даниэль всё ждал. Разразилась буря, с неба посыпался град, и, дабы уберечь икону, мальчик закрыл ее собственным телом и стал ждать дальше. Градины били его по спине, а на память Даниэлю приходили все шалости и гадости, которые он успел натворить за свое детство, и осознание этого причиняло ему не меньшую боль. Каждый удар градины вызывал в его душе новое воспоминание и пробуждал всё большие угрызения совести. Потом небо очистилось, и Даниэль обнаружил, что легко может поднять икону: произошло чудо.

Он вернул образ на место и с тех пор и по сию пору являлся святым Бичо Раро. У него на плече осталось углубление, оставленное самой первой градиной – зримое напоминание о том, что раскаяние причиняет боль.

Теперь, ожидая появления Тони, Даниэль ощутил желание помолиться. Вообще-то он молился весь сегодняшний день и прервал это занятие лишь ради того, чтобы пойти вместе с Беатрис и Хоакином. Даниэль часто проводил в молитве целые дни напролет: он начинал молиться на рассвете, а заканчивал после заката. Он зажигал свечи и произносил слова прошений за свою семью и за каждого уже прибывшего пилигрима, а также за тех паломников, которые еще находились в пути.

Обычно за самого себя святой не просил.

За стенами Раки раздался голос Джудит, она спрашивала у пилигрима:

– Вы готовы изменить свою жизнь?

– Ну да, ну да, – ответил паломник.

Святой вновь вернулся к молитве. Некоторые святые особенно сильно почитают Бога, другие – Младенца Иисуса, третьи – какого-то особого святого, но Даниэль в своих молитвах предпочитал обращаться к *Матери*. В его душе в этом образе соединились Пресвятая Дева Мария и его собственная мать, которую он никогда не знал – Даниэль появился на свет из ее уже мертвого тела. Посему он молился так: «Мать, помоги мне помочь этому человеку». А потом добавил: «Мать, помоги мне».

Каждому пилигриму в Бичо Раро полагалось два чуда.

Первое чудо заключалось в том, чтобы сделать тьму внутри человека видимой.

Грусть немного похожа на тьму, потому что и то и другое зарождается одинаково. Маленькая, крошечная капля тревоги падает в нутро человека.

Печаль быстро закипает и начинает бурлить, а потом и брызгать во все стороны, сначала заполняя желудок, потом – сердце, потом – легкие, потом – ноги, потом – руки, потом подступает к горлу, потом принимается давить на барабанные перепонки, потом – распирает череп и наконец с шипением изливается из глаз. А вот тьма растет медленно, как сталагмит. Медленно, по капле вытекает она из тревоги и застывает на всё увеличивающейся, скользкой шишке боли. С течением времени тьма застывает на самых непредсказуемых уровнях, разрастается с такой скоростью, что ты и не замечаешь, как она заполняет все полости под кожей, да так, что человеку становится трудно, а то и невозможно двигаться.

Тьма никогда не закипает, тьма остается внутри.

⁸ Игра слов. Английское слово *crooked* означает не только «мошенник», «нечестный», но еще и «согнутый». Так что Даниэль, согнувшийся под весом иконы, безошибочно принял надпись на свой счет.

Зато члены семьи Сория умели вытащить ее наружу и придать ей форму. Они, как и совы, чувствовали шевеление тьмы внутри пилигримов, когда та подползала ближе, и в их устах обещание дара звучало как песнь, слова которой были ведомы лишь им одним. Как только Сория принимал решение вытянуть из человека тьму, та немедленно начинала выползать наружу.

Когда Тони вошел в Раку, глаза Даниэля всё еще были закрыты, а голова опущена. Именно поэтому в тусклом свете сотни маленьких свечей Тони увидел не юного Даниэля Лупе Сория. Он увидел лишь святого.

У святого были длинные, темные волосы, разделенные на прямой пробор и лежавшие на плечах. Изнуренное лицо его было белым как мел, потому что его темную кожу покрывала краска, сделанная из растолченного в прах местного камня. Глаза святого темнели на бледном лице, точно глазницы черепа. С костяшек его пальцев глядели восемь широко открытых паучьих глаз. В полумраке святилища он походил не на человека, которого можно встретить на улице, а скорее на существо, которое вы вдруг обнаружили в темной комнате. Тони отметил, что изнутри Рака чем-то похожа на католические храмы, а на шее святого висят четки, однако это был вовсе не тот католицизм, поверхностным и равнодушным приверженцем которого являлся Тони, живя в Филадельфии.

Тони вдруг осознал, как холодно здесь, в сердце пустыни глубокой ночью. Ему начало казаться, что окружающие Деву Марию деревянные совы смотрят на него.

– Есть ли в тебе тьма? – спросил святой, не открывая глаз.

У Тони екнуло сердце; у него возникло неприятное ощущение, что эту историю он уже слышал, причем для одного диджея с радио, приехавшего в пустыню на «Меркури», она закончилась весьма плохо.

Можно же просто уехать, мелькнула у него паническая мысль. Можно бросить здесь этого страдающего по грузовику парня и гнать машину без остановки до самой Калифорнии, пока впереди не покажется берег моря.

Святой Бичо Раро открыл глаза.

Тони посмотрел в эти глаза.

Существовало много причин, по которым Даниэль Лупе Сория являлся лучшим святым из всех, кого Бичо Раро видел на протяжении нескольких поколений, но его глаза занимали первую строчку списка. Таких глаз, как у него, не видели уже сотню лет. Возможно, кто другой и смог бы выглядеть таким же добрым и святым, как Даниэль Лупе Сория, но только при условии, что у этого человека были бы правильные брови. Брови имеют огромное значение для выражения лица. Говорят, что если сбрить брови, маленькие дети вас не узнают. Так вот, Даниэлю не требовались брови, чтобы дополнить и без того загадочное выражение лица. Одних его глаз было достаточно, чтобы достичь нужного результата. Широко посаженные, темно-карие, полные сверхъестественной доброты, они не просто глядели на вас с любовью, нет. Глядя в эти глаза, вы понимали, что из них на вас смотрит сверхъестественное существо, в которое вы верите, и оно тоже вас любит. Если бы в девятнадцатом веке католическая церковь заглянула в глаза Даниэля Лупе Сория, она немедленно предложила бы начать войну с правительством Мексики от имени семейства Сория. Если бы в девятнадцатом веке члены правительства Мексики заглянули в глаза Даниэля Лупе Сория, то они немедленно стали бы куда лучшими католиками, чем были прежде.

– Ох, – выдохнул Тони.

Он преклонил колени.

Даниэль протянул руку, накрыл ладонью лицо Тони и опустил ему веки, потом опять закрыл собственные глаза.

Вдвоем сидели они в полной темноте, которая всегда собирается за опущенными веками. Тони представлял, как в эфире его радиостанции шуршит статический шум. Даниэль представлял дождь, льющий над Мариситой Лопес, и прилипших к ее платью бабочек.

Второе чудо заключалось в том, чтобы избавиться от тьмы навсегда.

Никому не хочется видеть, как проявляется его тьма, но истина заключается в том, что нельзя побороть тьму, не поняв, как она выглядит. К сожалению, бороться с тьмой пилигримам приходилось самостоятельно; лишь узрев свою тьму и поняв, как ее прогнать, могли они покинуть Бичо Раро, исцеленные и просветленные. Сория положили себе за правило не вмешиваться. Если кто-то из членов семейства Сория малейшим жестом или словом помогал кому-то из пилигримов, тьма обрушивалась на него самого, а тьма в душе святого – это вещь куда более ужасная и сокрушительная.

– Теперь отвечай мне, – промолвил Даниэль. – Есть ли внутри тебя тьма?

– Да, – сказал Тони.

– И ты хочешь от нее избавиться?

Ответить на этот вопрос куда сложнее, чем может показаться на первый взгляд. Навряд ли кто-то посчитал бы, что правильный ответ на этот вопрос: «Нет», но правда в том, что мужчинам и женщинам зачастую приходится избавляться от вещей привычных и хорошо знакомых, а ведь иногда мы знаем свою тьму лучше всего на свете.

– Да.

Снаружи забили крыльями и закричали совы. Филины заухали. Малые ушастые совы принялись выводить рулады. Сипухи засвистели с металлическим присвистом. Пестрые неясуги замяукали. Очковые неотропические совы глухо залаляли. Воробьиные сычи зачирикали. Сычи-эльфы нервно засмеялись. Шум перерос в настоящую какофонию, и в воздухе еще более ощутимо повеяло чудесами.

Даниэль снова открыл глаза.

Начала появляться тьма.

Глава 5

После совершения чуда совы, как правило, рассаживаются по насестам.

В ту ночь они не разлетались до тех пор, пока святой не велел им отправляться по домам.

Глава 6

Утро после чуда всегда солнечное.

Это потому, что практически каждое утро в Бичо Раро выдается солнечным. Колорадо давно кичится тем, что триста дней в году наслаждается солнцем, что, строго говоря, не совсем верно, но недалеко от истины. Утро после чуда Тони Ди Ризио не опровергло этого утверждения. За несколько часов солнце проворно вскарабкалось вверх по голубому небосводу Колорадо, и в Бичо Раро потеплело.

Беатрис Сория проснулась раньше всех, несмотря на поздний отход ко сну накануне. Пока она бодрствовала, ее разум напряженно работал, не прекращал этого занятия даже во время сна, а посему Беатрис обычно не тратила много времени на сон. В тот день до рассвета она воспользовалась своим секретным втяжным мостом, чтобы выбраться из своего окна, не разбудив находившуюся в соседней комнате мать. Потом Беатрис пробралась через спящее поселение прямо к телескопу.

Телескоп, точнее параболический радиотелескоп, в ширину раскинулся на шестьдесят футов и возвышался над землей футов на восемьдесят – этакая похожая на котлован тарелка, состоящая из металлических прутков, оптимистично нацеленная в небо. Скелетообразная тень телескопа двигалась вокруг его основания, точно гигантские солнечные часы. Телескоп был построен в пятидесятые годы благодаря совместным усилиям наиболее смекалистых в обращении с налогами членов семьи Сория, якобы в целях наблюдения за погодой, а на самом деле – чтобы шпионить за русскими, и был списан после одного-единственного использования. Главный инженер проекта ни за что не стал бы докладывать о том, какие сигналы перехватила его команда за время работы на этой радиолокационной станции слежения, чтобы все, кто этих данных не видел, могли и дальше спокойно спать по ночам. Позднее все члены его команды потихоньку перебрались жить в далекие страны с более холодным климатом.

Теперь Беатрис использовала телескоп в качестве места, где можно спокойно поразмыслить в тишине. Время от времени она забиралась по лестнице на металлическую платформу и обзирала окрестности Бичо Раро с сорокафутовой высоты. Иногда она снимала туфли и залезала еще выше: упиралась ступнями в металлические брусья, цеплялась согнутыми коленями за оборотную сторону тарелки, повисала на руках, а добравшись наконец до края тарелки, залезала в нее. Потом она лежала в этом огромном металлическом «гнезде», смотрела в небо и представляла, что ее разум, будучи важной частью ее существа, переместился далеко-далеко в небо. Мысленно она витала в облаках часами; если мысли вдруг начинали клониться к земле, она вновь возвращала их ввысь. Потом она снова возвращала воспарившие мысли в Бичо Раро и рассматривала с открывшейся ей высоты свой дом. Беатрис чувствовала, что с высоты в тысячу футов многое предстает в новом свете.

Иногда к ней присоединялся Даниэль – до сих пор лишь с ним Беатрис могла разделить свое убежище. Кузены были очень разными, но имели одну общую черту характера: они никогда не пытались изменить других людей и редко их осуждали, кроме тех случаев, когда ценности другого человека напрямую воздействовали на их жизни. В случае Даниэля это выражалось в том, что до приснопамятного случая с иконой он тусовался с молодыми людьми, которых другие сочли бы весьма подозрительными личностями. В случае Беатрис это выражалось в том, что она часто разочаровывала Джудит, отказываясь принимать ту или другую сторону в морально-нравственных дискуссиях и спорах.

Зато эта же черта характера делала Даниэля и Беатрис прекрасными собеседниками. Дебаты, в ходе которых не рождается ни крупинцы истины, вполне можно вести бесконечно и в мирном ключе. Одна из первых дискуссий кузенов, развернувшаяся в радиотарелке, вращалась вокруг вопроса о том, кому может быть даровано чудо. Один из пилигримов только что

бросил в Бичо Раро норовистого жеребца, и в те дни в семье Сория только и разговоров было, что о приснопоминаемом норове коня. Беатрис и Даниэль – им тогда было десять и двенадцать лет соответственно – смотрели на обширное пастбище с большой высоты и строили предположения на тему: могут ли они, будучи Сория, явить чудо на животном.

Даниэль с жаром доказывал, что отсутствие у коня человечности является непреодолимым препятствием для второго чуда. Даже если святому удастся сделать тьму животного явной, у коня не хватит разума, чтобы понять, как от этой тьмы избавиться. В таком случае второе чудо не произойдет, и, следовательно, конь либо до конца жизни будет мучиться из-за обитавшей в нем прежде тьмы, и его страдания только усугубятся из-за того, что теперь тьма стала видимой.

Беатрис признала отсутствие у коня человечности серьезной помехой, но полагала, что святой не сумел бы явить даже первого чуда. Она утверждала, что человечность необходима для существования тьмы. Без понимания самого понятия тьмы, морали и прочих экзистенциальных понятий неприглядная сущность человека не может быть тьмой, но является, по сути своей, просто человеческой природой, а посему не может быть исцелена чудом – если вообще подлежит исправлению.

– Стало быть, этот конь навсегда останется ужасным? – спросил Даниэль.

– Не думаю, что тьма – это нечто ужасное. – Десятилетней Беатрис требовалось довольно много времени, чтобы подобрать нужные слова. Она по-прежнему училась жить с тяжким осознанием того, что ее самые интересные мысли обычно исчезали из памяти до того, как она успевала облечь их в слова. – Скорее, это нечто постыдное.

Даниэль перебрал в памяти всех пилигримов, которых навидался за свои двенадцать лет.

– Думаю, ты права.

– Мы почти пришли к соглашению в начале, – добавила Беатрис, чтобы проявить милость победительницы.

Даниэль широко улыбнулся.

– Почти что.

В день после явленного Тони чуда Беатрис в одиночестве забралась на платформу, успевшую покрыться темным слоем пыли. Потом она сидела, чувствуя, как восходящее солнце согревает ее, разгоняя кровь по жилам, и наблюдала за пробуждением ее родного Бичо Раро. Со своего насеста она видела почти всё поселение, ибо оно занимало не так уж много места. В самой его сердцевине располагалась голая, пыльная площадка-парковка, а вокруг нее, точно тянущиеся к огню руки, собрались постройки. Лишь около дюжины построек остались относительно целыми: три дома, три амбара, оранжерея ее отца Франсиско, дом-автоприцеп ее тети Розы, три хижины, Рака.

Через поселение тянулась изрытая колеями дорога, огибала прудик и вливалась в шоссе – единственную мощеную трассу на многие мили вокруг. И разбитая дорога, и шоссе едва ли намного отличались от покрытой низкорослым кустарником земли – собственно, при наличии подходящей машины по здешнему бездорожью вполне можно было ездить. Кое-кто ездил по нему даже на неподходящих машинах, особенно под покровом ночи, ибо какая, в сущности, разница, что у тебя под колесами – потрескавшийся асфальт или пыльная равнина? Без света фар заблудиться тут ничего не стоило (как и в любом другом месте, если вам вздумается ехать в темноте).

Вокруг поселения простиралась та самая пустыня, в которую влюбился Пит и которая ответила ему взаимностью. Ландшафт разбавляли лишь рассыпанные тут и там кустики тамариска и шалфея, а также почти невидимые нити колючей проволоки – и так до самых гор.

Беатрис обозревала всю эту картину с высоты своего насеста, уделяя больше внимания природе, нежели снующим внизу малюсеньким людям. Она не особо любила физический труд, зато с удовольствием наблюдала, как им занимаются другие. Ей нравилось смотреть, как люди

делают множество совершенно ненужных вещей. В конце концов, если хочешь увидеть истинное лицо человека, мало просто смотреть, как он работает – надо видеть, как он что-то делает, преодолевая себя.

Например, со своего помоста Беатрис видела, как ее второй кузен Луис чинит изгородь из колючей проволоки, через которую пробежали коровы во время последней сильной грозы. Одни сегменты он отрезал, другие снова натягивал. Однако время от времени Луис шевелил растопыренными пальцами, будто перебирая невидимые струны, и Беатрис наверняка знала: он мысленно тренируется играть на гитаре. Еще она видела, как бабушка обихаживает кусты томатов, растущие за ее домом. Преклонив древние колени, она выпалывала сорняки, но Беатрис дважды видела, как старушка садится на пятую точку и со вкусом вгрызается в свежий помидор. Также Беатрис видела, как тетушка Роза (мать Хоакина) несет в свой дом перцы и малышку Лидию, чтобы приготовить (перцы, а не ребенка). Роза шагала медленно, часто останавливалась, что-то напевала и целовала Лидию в макушку; Беатрис знала по опыту, что соотношение этих действий к концу дня поменяется таким образом, что останутся одни поцелуи, а работа так и останется несделанной.

Внимание девушки привлек пронзительный крик, и она подняла глаза от земли к сияющему небу. Прищурившись, она обнаружила, что на ободке тарелки у нее над головой сидят несколько сов, и их когти со скрипом царапают металл. Компания подобралась разношерстная: две сипухи, пестрая неясыть и еще одна маленькая сова, род которой Беатрис не смогла определить. По правде говоря, мало кому доводилось прежде видеть таких сов – это был редкий светлолобый мохноногий сыч, происходивший из далекого Перу. Чудеса манят сов со страшной силой, поэтому Беатрис, как и все Сория, привыкла к постоянному присутствию этих птиц, зато, в отличие от прочих членов семейства Сория, проводила много долгих часов в размышлениях о том, к добру ли это или к худу. В конце концов, есть существенная разница между цветами, притягивающими колибри, и электрическими лампочками, вынуждающими мотыльков лететь на свет.

Сверху слетело, кружась, пестрое перо. Беатрис попыталась было его схватить, но ее резкое движение поколебало воздух, перо качнулось в сторону и продолжило медленно опускаться к земле.

– Почему вы до сих пор здесь? – просвистела она на языке, который сама изобрела.

Звук ее голоса не испугал сов. Напротив, они продолжали тарачиться на девушку широко открытыми глазищами. Светлолобый мохноногий сыч, забравшийся так далеко от дома, повернул голову набок, чтобы получше рассмотреть Беатрис. Девушка не знала, те ли это совы, что собрались в Бичо Раро накануне, однако призадумалась: если это те же самые, что же привлекает их на этот раз?

– Здесь нет тьмы, – просвистела она. – Чудес не будет.

Птицы смотрели так пристально, что Беатрис невольно поглядела вниз: может, в поселение прибыл новый пилигрим, а она и не заметила? Однако увидела лишь, как Майкл, муж Розы, втыкает лопату в кучу земли. Сколько Беатрис его помнила, Майкл только работал и спал. Чтобы понять Майкла, достаточно было понять, какой проект стоит на повестке дня, а в настоящее время таковым проектом являлась гостиница, которую вчера упомянула Беатрис. Пока что гостиница состояла из четырех воткнутых в землю деревяшек. Здание пребывало, мягко говоря, в зачаточном состоянии, и дело не двигалось с мертвой точки – не из-за нежелания Майкла работать, а скорее потому, что каждый этап строительства становился причиной жарких споров. Не только Джудит доказывала, что гостиницу вообще не надо строить.

Проблема заключалась не в гостинице, а в пилигримах.

Есть такое растение – оно и по сию пору растет в Колорадо, – называется тамариск. Еще его кличут соляным кедром. Растение это не местное. В 1930-х годах в центральную часть Соединенных Штатов пришла пыльная буря и свирепствовала там несколько лет. Дабы все

штаты от Колорадо до Теннесси не сдуло с лица земли, фермеры высадили миллионы кустов тамариска, чтобы удержать на месте землю.

Выполнив, что от него требовалось, предприимчивый тамариск собрал вещички и переехал в юго-западный угол Соединенных Штатов. В пору цветения тамариск очарователен: его маленькие розовые цветы удивительного нежного оттенка долго не вянут. Во все остальные поры это здоровенное, на редкость крепкое растение, настолько подходящее для жизни в Колорадо, что стоит ему где-то появиться – и все остальные растения не выдерживают конкуренции. Массивные, неуклюжие корни зарываются глубоко в почву, выпивают всю воду, вытягивают всю соль, так что в конечном счете единственным соседом тамариска остается еще один тамариск.

Пилигримы наводнили Бичо Паро подобно кустам тамариска.

Они прибывали постоянно, а жить оставались надолго. По какой-то неведомой причине им не удавалось получить второе чудо так же быстро, как это делали в прошлом их предшественники. Так что частично измененные паломники околачивались тут и там, с готовностью вытягивая из Бичо Паро все ресурсы. Сория не осмеливались помогать. Все они были осведомлены об опасности, с которой сопряжено вмешательство в чудеса, и никто не желал навлечь на себя и своих близких тьму.

Самым простым решением было бы выбросить всю эту толпу паломников в пустыню и предоставить им возможность самим о себе заботиться. Но даже если бы в поселении не было Даниэля, который решительно противился такой бесчеловечности, остальных членов семейства Сория останавливала память о Элизабет Пантазопулос. История эта произошла в 1920-е годы. Элизабет Пантазопулос прикатила в Бичо Паро с простреленной рукой, одетая в полосатую тюремную робу, причем мужскую.

Здоровой рукой она прижимала к себе длинношерстную кошку (одна из лап животного тоже была прострелена). Элизабет не стала уточнять, как дошла до такой жизни; она просто получила первое чудо и осталась в Бичо Паро до тех пор, пока ее огнестрельная рана не зажила, а кошка не перестала вздрагивать от каждого хлопка. Потом ей удалось явить на себе второе чудо, а на следующее утро она уехала. Больше Сория ничего о ней не слышали, однако четыре года спустя из Нью-Йорка пришла посылка, в которой лежали три вещи: 1) листок бумаги со словами: «Спасибо. Искренне ваша Элизабет Пантазопулос»; 2) пуля, предположительно извлеченная либо из самой Элизабет, либо из ее кошки; 3) пачка наличных, благодаря которым Бичо Паро сумело пережить самые трудные годы Великой депрессии.

Никогда не знаешь, где найдешь, где потеряешь. Поэтому пилигримы оставались, а Сория нехотя строили гостиницу.

Беатрис перевела взгляд с Майкла на огромный, обшитый деревянными панелями грузопассажирский автомобиль «Меркури», припаркованный в пыли рядом с будущей гостиницей. Девушка приложила согнутые ладони к лицу, чтобы защититься от солнца, и пригляделась к машине, точнее к тому, кто находился внутри нее. Через заднее окно автомобиля она видела ботинки Пита Уайатта: парень либо спал, либо умер. Со всё возрастающим изумлением Беатрис осознала, что желание коснуться большим пальцем кожи этого парня ничуть не уменьшилось, даже несмотря на то, что со своего места она не видела его локтей. Она попыталась беспристрастно проанализировать это чувство и ощутила, как оно растет, поднимается вверх над телескопом, в надежде вырваться из ее ненадежного тела. Однако окончательно покидать ее тело чувство не пожелало, и это встревожило Беатрис.

Некоторые чувства так глубоко укореняются в теле, что существовать без него уже не могут, и это чувство, это желание оказалось именно таким. Беатрис знала о подобном виде влечения – исключительно из наблюдений, а не из личного опыта. Она немного поразмыслила об отсутствии тут всякой логики, а потом подумала о более эмоциональных членах своей семьи и задалась вопросом: неужели они постоянно испытывают нечто подобное?

Беатрис так долго и напряженно смотрела на ботинки Пита и взвешивала свои сбивающиеся с толку чувства, что не заметила ни как улетели сидевшие наверху совы, ни как внизу появилась Марисита Лопес.

Марисита стояла у основания телескопа, подняв руку, чтобы защититься от непрестанно падающих на нее капель дождя. Песчинки на земле вокруг нее разлетались грязными каплями, не выдержав напора осадков. Бабочки на ее платье вяло шевелили крылышками, но не улетали.

Она неуверенно смотрела вверх, на Беатрис. Данное ей поручение было настолько срочным, что Марисита решилась нарушить правило, запрещающее всякие разговоры с членами семьи Сория, и всё же ее терзали сомнения. Возможно, она колебалась из-за того, что Беатрис порой могла казаться очень пугающей. Прямо сейчас *la chica sin sentimientos* неподвижно застыла на растянутом между опорами телескопа помосте, точно статуя или призрак. Ни движения, ни звука, ни взмаха ресниц. Беатрис во многом походила на тех сов, что еще недавно восседали у нее над головой, особенно на сипух, чьи мордочки так похожи на загадочные лики призраков.

Марисита пришла в Бичо Раро из Техаса, и на границе, где она жила, к совам относились с подозрением. Проблема заключалась не столько в самих совах, сколько в лечузах, ведьмах, умеющих превращаться в сов с человеческими лицами. Марисита верила в благие намерения членов семьи Сория, но не сомневалась в наличии у них сверхъестественных способностей. Она полагала, что католическая церковь поступила неправильно, выгнав семейство Сория из Абехонеса. Однако Марисите несложно было увидеть, что ей, как и остальным беспокойным пилигримам Сория, не место в церкви.

Просто-напросто Марисита не видела особой разницы между святыми и ведьмами.

А Беатрис была наиболее святой из всех Сория, разумеется, после Даниэля.

Короче говоря, Марисите недоставало храбрости прокричать о том, что Даниэль Сория передал ей письмо для Беатрис. Поэтому она просто засунула письмо между металлической ступенькой лестницы и металлической подступенькой, потом убедилась, что письмо не вывалится; она действовала быстро, чтобы не повредить бумагу своими промокшими из-за дождя пальцами.

Марисита не знала, что написано в письме: ей было сказано не читать письмо, и она не прочитала. Ей и в голову не могло прийти, насколько их всех потрясет содержание этого послания.

«Беатрис! Беатрис Сория! У меня для тебя кое-что есть!» – закричала она, правда, мысленно. Марисита часто говорила, не открывая рта. Это, как правило, не слишком-то эффективный способ общения, поскольку мало кто из людей умеет читать чужие мысли, кроме разве что Делесты Марш, получившей дар мыслечтения в далеком 1899 году в результате своего первого чуда. Но Делеста давно умерла, ее застрелил один аббат (за это его тут же отлучили от церкви), ныне тоже покойный.

Поэтому Марисита просто стояла, сцепив пальцы в замок, и надеялась, что Беатрис заметит ее и спустится за письмом.

Беатрис ее не замечала, и храбрости это Марисите не прибавило.

Марисита даже немного всплакнула. Она рыдала не только от беспокойства. Слезы текли легко, потому что недавно пролитые слезы уже проложили дорогу для новых. Накануне ночью, когда в Бичо Раро приехали Тони и Пит, она уже почти приняла ужасное решение. Вот какое это было решение: Марисита во что бы то ни стало уйдет в пустыню, не взяв с собой ни крошки еды, и будет идти до тех пор, пока не забудет о том, кто она. Если вы думаете, что это весьма болезненный способ расстаться с жизнью, то знайте: Марисита выбрала его именно по этой самой причине. Она полагала, что заслуживает самой страшной смерти. А теперь Даниэль дал ей это письмо, да еще и попросил его доставить, сказав, что это важно. Марисита не могла уйти в пустыню, не узнав, что всё это значит.

Она почувствовала, что угодила в ловушку. На самом деле вчера ночью ей не хотелось уходить, но и оставаться она не желала. Из-за этого душевного раздрая вкупе со страхом перед Беатрис у Мариситы так сдавило сердце, что слезы хлынули ручьем.

Вот только слезы не принесли ей облегчения, а посему бедняжка оставила письмо на лестнице, дожидаться, когда же его найдут.

«Беатрис, – так начиналось письмо. – Я влюблен в Мариситу Лопес».

Глава 7

Пит Уайатт проснулся чужестранцем в мире чудес.

Он не был ни святым, ни пилигримом – просто парнем, проснувшимся довольно поздно утром на заднем сиденье яично-желтого «Меркури», принадлежавшего незнакомцу.

Утирая пот со лба, Пит выполз наружу, прямо в объятия яркого и жаркого солнечного дня. Вид поселения удивил юношу. Вчера ночью, в темноте всё виделось в совершенно ином свете. Ночью Бичо Раро было богом, а днем сделалось человеком. В безжалостном дневном свете стало ясно, что здесь живут люди – в таком месте молодой человек вполне мог бы работать и потом получить в награду грузовик.

Кто-то может подумать, будто подобное срывание покровов должно было бы обнадежить Пита, но на деле всё вышло наоборот. Всё его путешествие сюда теперь казалось просто сном, а сон всегда может измениться. Но когда вы просыпаетесь, вас озаряет суровая истина, не стремящаяся прогибаться под желания разума. И вот, столкнувшись с реальностью, Пит взглянул на свой план со стороны. Он приложил руку к груди, прислушался к биению сердца и задался вопросом: не совершил ли он ошибку? Возможно, рассуждал Пит, он переоценил свои силы? Возможно, думал он, такие огромные просторы и необычные приключения не для него, а для тех, у кого нет отверстия в сердце.

Пит закрыл глаза и вспомнил об отце.

Джордж Уайатт был человеком действия. Джордж Уайатт должен был умереть в утробе матери: пуповина обернулась вокруг его шеи, но он решил, что смерть не для него, и перегрыз пуповину. Младенец родился на две недели раньше положенного срока, обеими руками сжимал обрывки пуповины, и у него был полон рот зубов. Он оказался самым слабым по сравнению с его восемью братьями и сестрами, однако уже грудничком начал быстро набирать вес, а к пятнадцати годам мог поднять разом всех своих восьмерых братьев и сестер. Семья Джорджа была беднее церковной мыши, и ему тоже светила подобная судьба, да только он пошел в армию и усердно трудился. Он спас целого полковника, надумавшего было подавиться походным пайком: дал ему по физиономии и велел немедленно прийти в себя, после чего его произвели в офицеры.

Джордж Уайатт не позволил бы себе впасть в уныние, едва приступив к делу.

Пит открыл глаза, чувствуя прилив решимости, и выпрямился. Он сейчас пойдет и найдет кого-то, осведомленного о работе, в награду за которую положен грузовик.

Несколькими годами ранее, когда Пит еще жил в Оклахоме, он недолгое время собирал пожертвования для пожарной части, и работа эта ему очень нравилась. После особенно тяжелой зимы единственная пожарная машина в городе вышла из строя; переизбыток горения сажи в дымоходах и бедность забили пожарный рукав мольбами и отчаянием, и бедняга треснул по всей длине. Пит тогда ходил от двери к двери, вооружившись улыбкой и договорами о пожертвовании, и в результате сумел собрать достаточно средств на покупку нового рукава.

Нынче он стучал в двери с таким же энтузиазмом, но получал совершенно не тот ответ, на который рассчитывал.

Пит был абсолютно уверен, что в домах есть люди, но ни одна дверь перед ним не открылась. Еще ему постоянно казалось, что за ним наблюдают, что чьи-то внимательные глаза следят за ним из окон, однако стоило ему повернуться и поглядеть на окна, как наблюдатели тут же исчезали. В какой-то момент он даже услышал детский плач, но стоило ему постучать в дверь дома-автоприцепа Розы Сория, раздалось быстрое и тихое «тс-с-с!», и всё стихло.

Всё дело было в том, что Пит походил на пилигрима. Все Сория знали, что вчера ночью прибыли паломники, и все Сория знали, что имело место чудо. Они предполагали, что Пит получил чудо сразу после Тони, и вследствие этого не рискнули бы с ним заговорить. Обычно

на такое мог бы отважиться лишь Даниэль, но сегодня его нигде не было видно – как и остальных членов семьи Сория.

Пит не знал, отчего его избегают, зато вполне успел это прочувствовать. В конце концов, он стал делать то единственное, что умел: работать.

Объектом своей деятельности он выбрал гостиницу. Майкл ретировался, едва Пит принялся бродить по Бичо Раро, а ведь сложно с налету включиться в чужую работу, не получив надлежащих инструкций, однако у Пита за плечами лежал огромный опыт помощи людям. Быть хорошим помощником – значит быстро и вдумчиво вникнуть во множество чужих потребностей, так что именно этим Пит и занялся. Он увидел, что границы будущей гостиницы уже намечены и кто-то попытался проделать несколько отверстий в земле, но не слишком далеко продвинулся по причине твердой почвы. Прикинув, что хотел сделать неведомый создатель сего проекта, юноша начал оттащить в сторону камни, лежавшие внутри будущих стен.

Обитатели Бичо Раро наблюдали за его трудами. У них на глазах Пит натаскал уже столько камней, что ими можно было бы наполнить стоявшую неподалеку тачку. У них на глазах Пит сложил из камней целую пирамиду, потом вторую и третью. У них на глазах Пит сложил из камней маленький домик рядом с будущей гостиницей. У юноши под рукой не имелось материала для постройки крыши и изготовления двери, не было стекол для окон, и всё же он возвел четыре стены, сложил в углу очаг и как раз начал выкладывать подоконники, но тут у него закончились камни.

Тут-то Антония Сория и сообразила, что знает этого парня.

Именно у Антонии когда-то возникла идея нанять рабочего в обмен на грузовик, и она поделилась этой мыслью с тетушкой Пита – это случилось вскоре после того, как Жозефа смогла получить второе чудо и исцелиться, и до того, как покинула Бичо Раро. В поселении вечно не хватало рабочих рук, и Антония сочла такое решение наилучшим вариантом – еще и от сломанного грузовика можно избавиться с пользой.

Антония отложила ножницы.

Как только у нее выдавалась свободная минутка, она изготавливала изящные цветы из бумаги, так похожие на настоящие, что порой сами цветы забывали о том, что они искусственные, и ждали, что их полъют. Кропотливый процесс изготовления требовал полной сосредоточенности, мог длиться часами, и если Антонию прерывали, она приходила в неопишемую ярость. Теперь в ее душе вели ожесточенную борьбу желание официально нанять Пита и нежелание прерывать любимое занятие. Первое в итоге победило, но это была победа с привкусом горечи.

Вот чего хотела Антония: чтобы деньги можно было доставать из воздуха. Вот чего она боялась: что однажды она забудет накричать на кого-то из членов семьи, в результате чего этот член семьи сделается небрежным и случайно подожжет дом.

Яростно фыркнув, Антония оторвалась от бумажных роз и встала. Потом собрала волосы в гладкий пучок, несколько раз ущипнула себя за щеки и решительно вышла к Питу.

– Ты сынок Жозефы? – спросила она.

У Пита в руке оставался последний камень, и юноша поспешил положить его на землю. Он видел, что вышедшая из домика женщина сердита, и решил, что является причиной ее гнева.

– Я ее племянник, мэм. Пит Уайатт.

– Уайт?

– Уайатт.

При виде построенного Питом домика досада Антонии слегка поутихла.

– Пожми мою руку, – велела она Питу, и тот подчинился. – Антония Сория.

– Сора, мэм?

- Сория. – Антония пристально разглядывала юношу. – В тебе точно нет тьмы?
- Нет, мэм, у меня только отверстие в сердце.
- Эта дырка в сердце убьет тебя, если будешь изнурять себя работой?

Доктор, поставивший Питу диагноз, – человек, которого тоже звали Питом, – пояснил, что, имея отверстие в сердце, следует избегать переизбытка эмоций, вроде шока, страха и смешанных чувств, могущих возникнуть, если вы вдруг обнаружили, что кто-то хочет вашей смерти, и которые непременно испытает человек, служа в армии. Доктор Пит призвал Пита-пациента вести умеренный образ жизни и избегать ситуаций, в которых велика вероятность неожиданно испытать сильные эмоции. В таком случае, утверждал он, у Пита не будет проблем со здоровьем. Ежась под взглядами присутствовавших на приеме родителей и младшего брата Декстера, Пит спросил, нельзя ли ему просто тренировать свое сознание и всё-таки пойти в армию. Пит-врач сказал: «Боюсь, что нет». Пит-пациент всегда будет слабым звеном. А потом взял и написал: «К службе непригоден».

Теперь Пит снова вспомнил тот случай, потом подумал о Беатрис и о пустыне. А потом сказал:

- Нет, мэм, не думаю. Меня может убить только шок.
- Хорошо. Очень хорошо, – повторила Антония. – Идем. Покажу, куда можно поставить ботинки на ночь.

Пока Пит ходил к машине забрать сумку, Антония с горечью поглядела на оранжерею своего мужа Франсиско. Сквозь стекло виднелся его силуэт. В то время как его жена проводила ночи, изготавливая прекрасные искусственные цветы, неотличимые от настоящих, Франсиско целыми днями выращивал настоящие цветы, настолько прекрасные, что их трудно было отличить от искусственных. Климат долины Сан-Луис прекрасно подходил для выращивания крепкого картофеля, сена и томатов, однако Франсиско посвятил себя выращиванию роз. Существовало множество препон для выращивания роз в Бичо Раро: град постоянно норовил посбивать лепестки, лоси – объесть листья, а жгучее солнце – обесцветить яркую окраску цветов. Еще ребенком Франсиско был поражен совершенной красотой золотой спирали Фибоначчи, заложенной внутри розы, и с тех пор не потерял запала. С тех пор он не оставлял попыток создать невозможное: черную розу. Вот и теперь он торчал в оранжерее, делая записи в маленьком дневнике. Он записывал числа, не имевшие, по правде сказать, никакого отношения к арифметике.

Франсиско писал на языке, который они изобрели на пару с Беатрис. Записанное им предложение переводилось так: «Кажется, прошлой ночью собаки Антонии прикончили несколько человек».

Вот чего хотел Франсиско: найти на одной из роз черный как смоль бутон. Вот чего он боялся: что его попросят заняться чем-то другим.

Антония снова одарила мужа презрительной усмешкой, чувствуя, как в душе с новой силой закипает раздражение, потом повернулась к Питу. Она указала на прудик.

- Грузовик вон там.

Весть о том, что это транспортное средство действительно существует, наполнила Пита радостью. Если бы он хорошенько напряг воображение, то даже смог бы представить логотип своей будущей фирмы на облезлом боку машинки.

- Благодарю вас за эту возможность, мэм.

– Повремени с благодарностями. Мне кажется, грузовик не на ходу. – Антония остановилась перед какой-то длинной хозяйственной постройкой. – Вот здесь будешь жить. Мы тут по уши в пилигримах, так что у тебя будет сосед.

- Я не возражаю, мэм.
- Может, еще возразишь, – заметила Антония.

Дом, в который определили на постой Пита, изначально служил жилищем семье Даниэля Лупе Сория, хотя теперь сия постройка мало напоминала семейное гнездо, потому что ее давным-давно разделили на несколько крошечных квартирок. Внутри было темно и прохладно, пахло какой-то незнакомой едой и древесиной, пропитанной табачным дымом.

– Кухня, – объявила Антония, взмахом руки указывая куда-то в темноту. – Убирать за собой будешь сам.

– Да, мэ.

– Уборная, – продолжала Антония, открывая дверь. – Убирать за собой будешь сам.

– Да, мэ.

– В этих комнатах живут пилигримы, так что смотри, не входи без разрешения, – предупредила Антония, указывая на четыре двери – очевидно, расположенные за ними комнаты имели смежные стены, как купе в вагоне поезда.

– Да, мэ.

Во избежание духоты все четыре двери стояли нараспашку, так что, проходя по коридору, Пит имел возможность познакомиться со своими новыми соседями-пилигримами.

В первой комнате находилась Дженни Фицджеральд, молоденькая худошавая брюнетка; увидев Пита, она помахала ему рукой.

– Привет, – поздоровался Пит.

– Привет, – ответила Дженни.

Сам того не ведая, Пит только что услышал результат ее первого чуда. Получив чудо, Дженни могла только повторять слова, сказанные другими людьми. Из всех пилигримов она проявляла наибольшую решимость покончить со своей внутренней тьмой. После первого чуда она целыми днями пыталась завязать с кем-нибудь разговор. Ее собеседник заговаривал первым, после чего Дженни изо всех сил пыталась ответить собственными словами, так чтобы ее ответ не походил на обычное эхо. Пока что все ее попытки привели к единственному результату: перспектива общения с ней приводила паломников в ужас, а жаль – Дженни была очень милой юной леди.

Пилигрима во второй комнате Пит едва разглядел, потому что тот отлично сливался с заполнявшим комнату полумраком.

Это был Телдон Банч. После первого чуда у него по всему телу вырос мох, и теперь он дни напролет проводил либо в кресле-качалке, стоявшем в углу его комнаты, либо в затененном внутреннем дворике рядом с домом, почитывая романы в мягких обложках, которые привозил из Аламосы почтальон. На его коже было столько же мха, сколько выросло после чуда, и, похоже, Телдон даже не пытался хоть как-то с этим бороться.

– Привет, – поздоровался с ним Пит, но Телдон Банч не спешил поднимать глаза от книги и сделал это, когда Пит и Антония уже миновали его дверь.

В третьей комнате обитали очаровательные близнецы из Калифорнии, Робби и Бетси; после чуда они оказались связаны огромной черной змеей, у которой вместо хвоста была вторая голова. Если сестры предпринимали попытку отойти друг от друга на несколько шагов, змея спутывала их ноги, а если они слишком долго сидели рядом, кусала их. Если одна сторона змеи подвергалась нападению, вторая немедленно приходила ей на помощь. Если змея регулярно получала еду, а близнецы при этом соблюдали определенную дистанцию, эта живая веревка почти их не беспокоила. Прибыв в Бичо Раро, сестры постоянно ругались и цеплялись друг за друга, и с тех пор ничего особо не поменялось. Беатрис полагала, что, на худой конец, одна сестра могла бы поддержать одну из голов змеи, в то время как второй сестре следовало попытаться убить другую голову, хотя, разумеется, выступить с подобным предложением открыто она не могла. Так что близняшки беспрестанно жаловались, дескать, змея слишком сильная, нам с ней никак не справиться, и жили, привязанные друг к другу.

– Привет, – обратился к сестрам Пит.

Говоря это, он слегка повернул голову в сторону Робби, и змеиная голова, находившаяся ближе к Бетси, ревниво щелкнула на него зубами. Сначала подпрыгнуло сердце Пита, а потом и он сам. Юноша ударился спиной о стену коридора и схватился за сердце, явно испытывавшее неслабый шок. Бетси дернула змею за шею, не давая той тянуться к двери.

– Простите, пожалуйста, – проговорила она, но смотрела при этом на Робби, словно в случившемся виновата исключительно Робби.

– Конечно, всё в порядке, мисс, – заверил ее Пит, не будучи до конца уверен в истинности собственных слов. – Я – Пит.

– Пит, – повторила Бетси, но смотрела при этом на Робби, как будто и в этом виновата Робби. Сама Робби отказывалась смотреть на сестру, потому что они недавно поссорились.

– Уайатт! – окликнула юношу Антония, уже успевшая дойти до конца коридора.

– Пока! – сказал Пит близняшкам и поспешил дальше.

Антония не заговаривала с пилигримами, мимо которых они проходили. Пит вспомнил, как игнорировали его члены семьи Сория, пока он стучался в их двери, потом подумал, что сейчас эта милая женщина игнорирует всех этих людей, и счел подобное поведение довольно грубым. Впрочем, он был слишком вежлив, чтобы высказать свои соображения вслух, только постоянно оборачивался через плечо на три открытые двери.

Антония была очень неглупой женщиной, поэтому, остановившись у четвертой двери, положила руку юноше на плечо.

– Думаешь, я веду себя по-свински?

– Нет, мэм.

– Думаешь-думаешь. У тебя это на лице написано.

– Нет, мэм.

– Теперь ты врешь и думаешь, что я веду себя по-свински, но это нестрашно. Я понимаю. У нас здесь есть определенные правила, Пит, но ты не обязан им следовать. Мы, Сория, должны проявлять осторожность по отношению к пилигримам; если мы вмешаемся в их судьбу после первого чуда, нас охватит наша собственная тьма, а это настолько ужасно, что никому не пожелаешь такого увидеть, – это хуже, чем тьма пилигримов. Посему вот первое правило: живи и питайся вместе с пилигримами, но в разговоры не вступай, потому что никогда не знаешь, что именно им поможет. Правило второе: на поиски жены или мужа отправляйся за пределы Бичо Раро. Любовь и без того опасное чувство, не стоит вовлекать в нее еще и пилигрима. Правило третье: лишь святой творит чудо, больше никто, ибо никогда не знаешь, когда тьма укусит тебя, как та змея, которую ты только что видел. Вот такие правила.

– Да, мэм, – сказал Пит. Он не знал, что полагается говорить в таких случаях, он не был Сория, и правила к нему не применялись, но еще он видел, что это очень серьезный вопрос, и хотел, чтобы Антония поняла: он всё осознал.

– Вот почему я не разговариваю с пилигримами, – сказала Антония.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.